

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-2162

№13(236)

часть 3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

Г. МОСКВА

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 13 (236)
Апрель 2023 г.

Часть 3

Издается с февраля 2017 года

Москва
2023

УДК 08
ББК 94
С88

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Арестова Инесса Юрьевна – канд. биол. наук, доц. кафедры биоэкологии и химии факультета естественнонаучного образования ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Россия, г. Чебоксары;

Ахмеднабиев Расул Магомедович – канд. техн. наук, доц. кафедры строительных материалов Полтавского инженерно-строительного института, Украина, г. Полтава;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Елисеев Дмитрий Викторович – канд. техн. наук, доцент, начальник методологического отдела ООО "Лаборатория институционального проектного инжиниринга";

Комарова Оксана Викторовна – канд. экон. наук, доц. доц. кафедры политической экономии ФГБОУ ВО "Уральский государственный экономический университет", Россия, г. Екатеринбург;

Лебедева Надежда Анатольевна – д-р филос. наук, проф. Международной кадровой академии, чл. Евразийской Академии Телевидения и Радио, Украина, г. Киев;

Маршалов Олег Викторович – канд. техн. наук, начальник учебного отдела филиала ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет" (НИУ), Россия, г. Златоуст;

Орехова Татьяна Федоровна – д-р пед. наук, проф. ВАК, зав. Кафедрой педагогики ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, г. Магнитогорск;

Самойленко Ирина Сергеевна – канд. экон. наук, доц. кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна Российского Экономического Университета им. Г.В. Плеханова, Россия, г. Москва;

Сафонов Максим Анатольевич – д-р биол. наук, доц., зав. кафедрой общей биологии, экологии и методики обучения биологии ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный педагогический университет", Россия, г. Оренбург;

С88 Студенческий форум: научный журнал. – № 13 (236). Часть 3. М., Изд. «МЦНО», 2023. – 44 с. – Электрон. версия. печ. публ. – <https://nauchforum.ru/journal/stud/13>.

Электронный научный журнал «Студенческий форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

ISSN 2542-2162

ББК 94
© «МЦНО», 2023 г.

Оглавление	
Статьи на русском языке	5
Рубрика «Юриспруденция»	5
ПОНЯТИЕ ТРАСТА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОФШОРНЫХ ЗОН Курбеко Мария Дмитриевна Ломако Алла Юрьевна	5
ДОПРОС КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ ДОКАЗЫВАНИЯ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАЩИТНИКОМ ДОПРОСА УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА Лебин Василий Витальевич Шишков Андрей Альбертович	9
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ Лохтин Дмитрий Андреевич Шапель Анастасия Игоревна	12
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНО: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Рябинин Илья Александрович	17
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ОСНОВАНИЕ, МОМЕНТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ, ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ Таран Елена Сергеевна Шапель Анастасия Игоревна	19
Papers in English	24
Rubric «History and archeology»	24
FALSIFICATION OF THE FACTS OF THE SECOND WORLD WAR AND THE GREAT PATRIOTIC WAR IN DOMESTIC PRACTICE Kutova Angelika Vladimirovna	24
Rubric «Pedagogy»	28
FEATURES OF M. MONTESSORI'S PEDAGOGICAL THEORY AND PRACTICE Titova Evgenia Vyacheslavovna Buzina Evgenia Igorevna	28
Rubric «Psychology»	32
THE CONCEPT OF PERFORMANCE ANXIETY AND THE RELATIONSHIP TO ATHLETIC PERFORMANCE Olga Dyachuk	32
Artikel in deutscher sprache	34
Rubrik «Politikwissenschaft»	34
METHODEN UND TECHNIKEN, DIE DIE ENTWICKLUNG DER FEINMOTORIK BEI KINDERN IM VORSCHULALTER FÖRDERN Olga Ageeva	34

WIR ERZIEHEN PATRIOTEN
Malzewa Tatjana Nikolajewna

36

Rubrik «Philologie»

39

DIE BESONDERHEITEN DER GRAMMATISCHEN TEXTANALYSE (AM
BEISPIEL DES ROMANS „LEB WOHL, BERLIN“)
Iana Lanskaia

39

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**РУБРИКА****«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»****ПОНЯТИЕ ТРАСТА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОФШОРНЫХ ЗОН*****Курбеко Мария Дмитриевна****студент,**Белорусский государственный экономический университет,**РБ, г. Минск****Ломако Алла Юрьевна****научный руководитель, канд. юрид. наук, доцент,**Белорусский государственный экономический университет,**РБ, г. Минск*

Несмотря на активное употребление терминов «офшор» и «офшорная компания», ни в правовой, ни в юридической литературе, ни среди юристов-практиков не существует единства в их определении.

Можно выделить узкий и широкий подходы к пониманию указанных понятий. В узком смысле «офшор», или «налоговая гавань» (tax haven), – это юрисдикция (государство или часть территории государства), которая соответствует следующим критериям:

- 1) отсутствие или номинальное налогообложение доходов;
- 2) создание с помощью законов или административных процедур препятствий для эффективного обмена информацией для налоговых целей с другими государствами по налогоплательщикам, пользующимся отсутствием или номинальным налогообложением;
- 3) существование недостаточной прозрачности;
- 4) отсутствие требования по ведению реальной деятельности.

В широком смысле понятие «офшор» охватывает «квазиофшорные юрисдикции», предлагающие благоприятные налоговые режимы: пониженные ставки отдельных налогов (например, ставка налога на прибыль предприятий в Республике Кипр составляет 12,5 %), особый порядок налогообложения отдельных видов субъектов хозяйствования (например, Limited Liability Partnership (LLP) в Великобритании и др.), возможность использовать механизмы соглашений об избежании двойного налогообложения для уменьшения налогов на отдельные виды доходов (роялти, процентный доход, дивиденды и др.) [1, с. 6].

В правовой системе Республики Беларусь используется термин «офшорная зона», под которой понимается государство (территория), в котором действует льготный налоговый режим и (или) не предусматривается раскрытие и предоставление информации о финансовых операциях (п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 25 мая 2006 г. № 353 «Об утверждении перечня офшорных зон»). По мнению белорусского законодателя, вышеназванным критериям соответствуют 52 государства (территории), указанные в Перечне, утвержденном вышеназванным Указом.

Законодательство не запрещает белорусским юридическим и физическим лицам регистрировать компании либо открывать счета в указанных в Перечне офшорных зонах, равно как и не запрещает вступать в договорные и иные взаимоотношения с резидентами офшор-

ной зоны. Однако, указанные отношения подлежат особому контролю и влекут для резидентов Республики Беларусь дополнительные налоговые обременения, в частности:

- обязанность по уплате специального офшорного сбора по ставке 15 % от суммы операции, проводимой с зарегистрированным в офшорной зоне нерезидентом (ст. 263, 266 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) от 29 декабря 2009 г. № 71-3);
- правила об устранении двойного налогообложения подоходным налогом с физических лиц не распространяются на доходы, полученные из указанных в Перечне офшорных зон (п. 1 ст. 224 НК);
- сделки по реализации или приобретению товаров (работ, услуг), имущественных прав с резидентом офшорной зоны подпадают под контроль так называемого трансферного ценообразования (п. 2.2 ст. 88 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) от 19 декабря 2002 г. № 166-3).

Современные офшорные юрисдикции (в широком смысле) предоставляют компаниям различные типы налоговых статусов. Налоговый статус компании определяет специфику налогообложения доходов компании (льготы или освобождение от налогов), а также имеет значение для использования норм международных соглашений об избежании двойного налогообложения. Особенно важен налоговый статус компании в отношении таких налогов, как налог на прибыль компании (corporate income tax), налог на прирост капитала (capital gains tax), налог на дивиденды (taxation of dividends) [3, с. 236].

В соответствии со ст. 2 Закона Республики Кипр «О налогообложении доходов» (The Income Tax Law, 2002) компания независимо от места ее учреждения рассматривается как нерезидент, если управление и контроль за ее деятельностью не осуществляется с территории Кипра. Причем как резидентные, так и нерезидентные компании могут создаваться в порядке, предусмотренном Законом Республики Кипр «О компаниях» (The Companies Law, 2005). Нерезидентный статус позволяет компании в определенных случаях не уплачивать налоги, установленные для компаний-резидентов. Так, например, согласно § 1 ст. 5 Закона Республики Кипр «О налогообложении доходов» все виды дохода компании-резидента облагаются налогом на прибыль, причем возникающие или получаемые из источников как в республике, так и за ее пределами.

Согласно же § 2 ст. 5 вышеназванного Закона если лицо не является резидентом республики, то оно обязано уплачивать налог на прибыль: во-первых, только в отношении доходов, возникающих или получаемых из источников в республике, а во-вторых, только в отношении доходов или имущества, определенных в Законе. Тот факт, что нерезидентная компания не является субъектом налогообложения в стране регистрации, исключает возможность применения к таким компаниям норм соглашений об избежании двойного налогообложения, а также налоговых директив ЕС, которые предоставляют различные льготы (относительно Кипра и заморских территорий Великобритании).

Несмотря на последние изменения, произошедшие в законодательстве офшорных юрисдикций, которые свидетельствуют о том, что офшорные юрисдикции постепенно отказываются от предоставления национальным компаниям специальных льготных режимов налогообложения и закрепляют возможность приобретения нерезидентного статуса. Таким образом, представляется, что «офшорная компания» (в широком смысле) – условный термин, характеризующий особый налоговый статус организации, который обеспечивает ей максимальное снижение налоговых потерь. Следует отметить, что особый налоговый статус не обязательно оказывает влияние на частноправовой (гражданско-правовой) статус офшорной компании, который определяется ее личным законом [4, с. 136].

В белорусском праве отсутствуют какие-либо специальные положения об участии офшорных компаний в частноправовых отношениях, осложненных иностранным элементом. Вместе с тем можно указать на некоторые проблемные вопросы. Первичная квалификация и определение применимого права. Согласно ст. 1094 ГК Республики Беларусь по общему правилу при определении права, подлежащего применению, суд основывается на толковании юридических понятий в соответствии с правом страны суда, т.е. по правилу *lex fori*. Таким

образом, в соответствии с отечественным законодательством личный статут офшорных компаний будет определяться по праву страны, где данная компания учреждена (ст. 1110, 1111, 1112 ГК Республики Беларусь).

Как справедливо отмечает И.В. Гетьман-Павлова, льготы в отношении деятельности офшорных компаний не касаются их личного статута, а только дополняют правовое регулирование. Вместе с тем, решение вопроса о праве, подлежащем применению к офшорной компании, осложняется тем, что термин «офшорная компания» часто используют не только для обозначения правосубъектных организаций (как наделенных, так и не наделенных статусом юридического лица), но и для обозначения обособленных имущественных комплексов, в частности создаваемых посредством учреждения трастов и «организаций коллективного инвестирования», первичная квалификация отношений с участием которых носит довольно дискуссионный характер [5].

Как отмечает В.А. Канашевский, трасты являются одним из правовых инструментов, притягивающих к офшорным юрисдикциям бизнес со всего мира. Однако, траст – институт англо-американского права, и несмотря на то что правопорядки государств романо-германской системы права на протяжении последнего столетия пытаются приспособить данную юридическую конструкцию к своему внутреннему праву посредством смежных институтов континентального права (например, институт *Treuhänder* в Германии и Австрии, *la fiducie* в праве Франции и Швейцарии), по мнению большинства правоведов, достигнуть полной рецепции траста так и не удалось, чему препятствуют прежде всего унитарная конструкция права собственности, не предполагающая его «расщепления», как это имеет место в англо-американском институте траста, а также один из основополагающих принципов вещного права данных государств – принцип *numerus clausus* (закрытый перечень вещных прав) [6].

Указанные принципы национального вещного права создают риск непризнания зарубежного траста как противоречащего сверх-императивным нормам или публичному порядку. Вопрос о первичной квалификации англо-американских трастов в государствах континентальной системы права решается неоднозначно. В правовой литературе и правоприменительной практике можно встретить квалификацию траста: как аналога вещного права на имущество, обремененного обязанностью действовать в чужом интересе; как аналога договора; как аналога юридического лица; как аналога концепции *patrimony*; как аналога специфических полномочий по управлению имуществом.

Неоднозначность подходов к первичной квалификации траста порождает различные подходы к его коллизионному регулированию. В российской юридической литературе (праву Российской Федерации, как и праву Республики Беларусь, институт траста неизвестен, в силу чего специальная коллизионная норма отсутствует) довольно распространенной является точка зрения об установлении применимого к трастам права на основании ст. 1203 ГК Российской Федерации (аналог ст. 1110 ГК Республики Беларусь). Сторонники данного подхода полагают, что, хотя траст и нельзя назвать юридическим лицом, он обладает обособленным имуществом и определенной внутренней организационной структурой, в связи с чем может рассматриваться как «иностранный организация, не являющаяся юридическим лицом по иностранному праву», и, соответственно, допустимо определять применимое к трасту право на основании ст. 1203 ГК Российской Федерации.

Полагаю, что указанный подход некорректен, поскольку, согласно англо-американскому праву, траст не является субъектом права (лицом). Поскольку белорусскому праву институт траста неизвестен, считаем, что квалификация понятия «траст» должна осуществляться *lex cause*, т.е. с применением норм иностранного права, которому данный институт известен и с которым правоотношение непосредственно связано (п. 2 ст. 1094 ГК Республики Беларусь) [6].

Что касается коллизионного регулирования, то из-за отсутствия в отечественном праве коллизионных норм о трастах при определении применимого к ним права полагаю необходимым использовать общее правило, установленное п. 3 ст. 1093 ГК Республики Беларусь, о применении принципа наиболее тесной связи.

Таким образом необходимо отметить, что правом, наиболее тесно связанным с трастом, следует признавать право страны, в которой траст был создан. При отсутствии сведений относительно места создания траста в качестве руководства для определения тесной связи траста с каким-либо правопорядком можно использовать положения Гаагской конвенции о праве, применимом к трастам, и о признании трастов, 1985 г., которая рекомендует учитывать следующие факторы: место управления трастом, выбранное его учредителем; местонахождение имущества траста; место жительства или местонахождение доверительного собственника (trustee); задачи траста и место, где они должны быть выполнены (ч. 2 ст. 7).

Список литературы:

- 1 Волков, А.В. Обход закона как наивысшая форма злоупотребления правом / А.В. Волков // Гражданское право. – 2013. – № 2. – С. 2–8.
- 2 Кудрявцева, Л.В. Внедоговорные обязательства в международном частном праве: сравнительно-правовой анализ / Л.В. Кудрявцева, С.А. Самсонов // Интерактивная наука. – 2017. – № 2 (12). – С. 234 – 238.
- 3 Алимova, О.Я. Унификация и гармонизация в международном частном праве. Вопросы теории и практики : монография / О.Я. Алимova, Н.Н. Викторова; отв. ред. Г.К. Дмитриева, М.В. Мажорина. – М. : Норма : ИНФРА М, 2016. – 208 с.
- 4 Гетьман-Павлова, И.В. Международное частное право : учеб. пособие для приклад. бакалавриата / И.В. Гетьман-Павлова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 225 с.
- 5 Кадышева, О.В. Унификация и гармонизация норм международного частного права в отношении определения государственной принадлежности иностранных юридических лиц / О.В. Кадышева // Вестник Московского университета. – Серия 11 «Право». – 2002. – № 3. – С. 44-65.
- 6 Царева, Л.В. Соотношение материального и коллизионного методов регулирования международных частноправовых отношений / Л.В. Царева // Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 дек. 2013 г. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Ин-т радиологии, 2013. – С. 142–144.

ДОПРОС КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ ДОКАЗЫВАНИЯ НА СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАЩИТНИКОМ ДОПРОСА УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА

Лебин Василий Витальевич

студент,
Университет "Дубна",
РФ, г. Дубна

Шишков Андрей Альбертович

научный руководитель,
Университет "Дубна",
РФ, г. Дубна

INTERROGATION AS A SPECIAL WAY OF PROVING AT THE TRIAL STAGE: METHODOLOGICAL FEATURES OF THE DEFENDER'S INTERROGATION OF PARTICIPANTS IN THE PROCESS

Vasily Lebin

Student,
University "Dubna"
Russia, Dubna

Andrey Shishkov

Scientific adviser,
University "Dubna"
Russia, Dubna

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли допроса в судебном разбирательстве. Подчеркивается ключевая роль показаний участников уголовного судопроизводства как средство доказывания сторонами своей позиции. Высказывается мнение, об обязанности защитника использовать максимум правовых средств и тактических приемов с целью достижения максимально положительного результата для своего доверителя.

Abstract. The article discusses the role of interrogation in court proceedings. The key role of the testimony of participants in criminal proceedings as a means of proving their position by the parties is emphasized. The opinion is expressed about the duty of the defender to use maximum legal means and tactics in order to achieve the most positive result for his client.

Ключевые слова: защитник, адвокат, подсудимый, допрос, показания, доказательство.
Keywords: defender, lawyer, interrogation, testimony, evidence, defendant.

Одним из наиболее эффективных средств реализации защитником своей функции в уголовном судопроизводстве является допрос участников судебного разбирательства. Защитник вправе производить допрос свидетелей, обвиняемых и потерпевших.

Вначале стоит обратить внимание на допрос защитником участников стороны защиты. Согласно ч. 1 и 3 ст. 275 УПК РФ подсудимого первого допрашивает защитник, а только затем сторона обвинения и в самом конце суд. Такие же правила предусмотрены в отношении допроса свидетелей, потерпевших, экспертов и специалистов – первыми задает вопрос всегда та сторона, по инициативе которой было подано такое ходатайство о вызове лица в суд.

По мнению М.И.Еникеева, лица, которых допрашивают на стадии судебного следствия независимо от их процессуального статуса, могут как ослабить, так и усилить предъявленные

обвинения либо вообще отказаться от ранее данных показаний. Хотя и на первый взгляд все кажется таким простым, но на самом деле требует большого мастерства от защитника. Результаты допроса могут быть использованы в качестве доказательств лишь при условии, когда все вопросы и ответы в полной мере отражены в протоколе судебного заседания [2, с. 253].

Подсудимый является центральным участником судебного разбирательства, так как именно в отношении его осуществляется уголовное преследование. При этом дача показаний для подсудимого является правом, а не обязанностью в отличие от других участников уголовного процесса, например, свидетеля.

В начале судебного следствия подсудимому и его защитнику нужно определиться с тактикой поведения в суде. В частности, давать ли подсудимому показания или нет, поскольку сведения, сообщенные подсудимым, могут как положительно, так и отрицательно отразиться на положении стороны защиты. При даче положительного решения о даче показаний, следует принимать во внимание все уже имеющиеся показания, данные на стадии предварительного следствия, с целью сформировать тактику успешной защиты.

Как подмечал Ю.И. Стецовский: «Каждое дело индивидуально и требует особого подхода. Но нет таких дел, по которым адвокат-защитник вправе явиться в суд без подготовки. Судебный допрос требует тщательной подготовки. При этом адвокат должен обсудить с подзащитным собранные доказательства. В ходе обсуждения могут обнаружиться сведения, которые позволяют защитнику избежать ошибок. Защитник согласовывает с подсудимым перечень вопросов допрашиваемым на суде лицам, и кто из них задаст те или иные вопросы. Иногда в беседе выясняется, что подзащитный формулирует свои объяснения сумбурно, неточно и неполно. В подобных случаях защитник помогает ему подготовиться к даче показаний с тем, чтобы они не противоречили доказательствам, достоверность которых признается самим подзащитным. При этом исключаются советы, противоречащие процессуальным и этическим нормам» [6, с. 91].

Судя из утверждения Ю.И. Стецовского, защитник должен предупредить своего доверителя о каких-то неудобных вопросах, чтобы они не могли оказаться какими-то неожиданными для него и не ввели его в ступор. Так мнение Ю.В. Корневского, Г.П. Падвы выражается в полном согласии с этим утверждением, именно поэтому вопросы, которые задаются защитником ни в коем случае не должны каким-то образом ухудшить положение своего доверителя, поэтому адвокату не следует нарушать запланированную тактику со своим доверителем на всем этапе проведения допроса [4, с. 116].

Председательствующий перед допросом подсудимого, разъясняет ему о том, что согласно ст. 51 Конституции РФ он не обязан свидетельствовать против себя и своих родственников. Это защищает подсудимого от поспешных выводов со стороны суда, поскольку любые показания данные последним будут основополагающими при последующем формировании мнения и отражении его в решении суда.

Сторона, которая допрашивает подсудимого выбирает сама, то как она будет проводить допрос, так, например, допрос часто начинается с предложения подсудимому дать показания по существу предъявленного ему обвинения. Судом ему представляется возможность изложить все известные ему обстоятельства дела в свободной форме.

По мнению А.С. Виноградова и А.А. Хайдарова, право первым допрашивать подсудимого должно принадлежать стороне обвинения. Данное утверждение поддерживает тем, что якобы у стороны защиты будет больше времени, чтобы подготовиться к самой защите, а значит будет проще выполнять функцию защиты. Однако, это вовсе не так, потому что на сегодня выступая первым защитник выстраивает дальнейший темп всего судебного следствия за счет своей подготовленной позиции, чем адвокату в последствие проще манипулировать процессуальным положением его доверителя. По нашему мнению, данное право для подсудимого является большим преимуществом, и от него не стоит отказываться [1].

В некоторых случаях в судебном разбирательстве могут участвовать несколько подсудимых. По общему правилу защитник вправе допрашивать всех лиц, в отношении которых

осуществляется уголовное преследование, независимо от того осуществляет ли он его защиту или нет. Такая ситуация имеет ряд трудностей, ведь другие подсудимые могут как полностью, так и частично признать свою вину, либо вообще отказаться от дачи показаний защитнику и другим участникам процесса. За таким процессом нужно внимательно следить, так как велика вероятность, что один может обвинить другого из-за конфликта интересов подсудимых, но в любом случае защитник должен руководствоваться только интересами своего доверителя. Поэтому, при таких случаях ч. 4 ст. 275 УПК РФ предусматривает возможность подачи суду ходатайства о допросе подзащитного в отсутствии других подсудимых, чтобы никто не смог оказать давление на других участников при допросе [3].

Дальнейшим важнейшим участником судебного разбирательства, который может внести ясность в некоторые вопросы предъявленного обвинения является свидетель. Часто показания, которые даются свидетелем являются противоречивыми из-за чего защитнику приходится крайне аккуратно выяснять детали, дабы не ухудшить положение своего доверителя.

При допросе защитнику необходимо выяснить достоверность показаний свидетеля, а именно его отношения с подсудимым, объективные и субъективные факторы, которые повлияли на восприятие свидетелем подсудимого, а также длительность времени, которое прошло спустя какое-то время после увиденного инцидента [5, с. 128]. Также защитнику лучше всего направить все усилия на память свидетеля, а именно на конкретные обстоятельства, которые он помнит и которые он забыл. Следует задуматься в случае, если выяснятся какие-то обстоятельства, которые не изложены в протоколах или других процессуальных документах, по факту их утаивания. Иногда сторона защиты и обвинения, могут оказать психологическое давление на свидетеля, что способствует разрушению показаний последнего, так как за счет этого они могут начать сомневаться в собственных показаниях, ведь зачастую абсолютное большинство свидетелей всегда боятся собственных воспоминаний, и вследствие возложенной на них давящей ответственности перед законом и судом могут давать показания в угоду одной из сторон. [7, с. 173].

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить следующее. Во-первых, допрос участников судебного заседания является важнейшим средством получения доказательств в уголовном судопроизводстве. Во-вторых, существует многообразие тактических приемов допроса участников судебного заседания. В-третьих, защитник обязан использовать максимум правовых средств и тактических приемов с целью достижения максимально положительного результата для своего доверителя.

Список литературы:

1. Виноградова, А.С., Хайдарова, А.А. Процессуальные особенности производства допроса подсудимого в ходе судебного следствия // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. С.101-103.
2. Еникеев М.И. Общая и юридическая психология: Краткий курс. М., 2003 С. 253.
3. Калинин Любовь Даниловна, Крысина Наталья Рафиковна. Конфликт интересов доверителей – Основание для отвода адвокат в уголовном процессе // Право и практика, 2019. № 4. С. 181-185.
4. Корневский Ю.В., Падва Г.П. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству: Практическое пособие. М.: Юристь, 2004. С. 116.
5. Кудрявцева А.В., Попов В.С., Участие адвоката-защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции: монография. Челябинск: Полиграф-мастер, 2006. С. 128.
6. Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М.: Юридическая литература, 1982. С. 91.
7. Стуликов А.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты представления доказательств: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 173.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ

Лохтин Дмитрий Андреевич

студент,

Тюменский государственный университет,

РФ, г. Тюмень

Шапель Анастасия Игоревна

научный руководитель, старший преподаватель

кафедры уголовно-правовых дисциплин,

Тюменский государственный университет,

РФ, г. Тюмень

Аннотация. В статье автором рассматривается понятие объекта преступления на основании концепций выдвигаемых в разный временной период. Кроме того, из изученных двадцати пяти приговоров и постановлений судов общей юрисдикции автором статьи выявляется четыре судебных акта с неверно определенными объектами преступлений, что указывает на необходимость определения признаков объекта преступления для разграничения последнего с предметом преступления. Автором также исследуется классификация объектов преступления и предпринимается попытка обоснования введения в уголовно-правовую доктрину термина «многообъектное преступление».

Ключевые слова: объект преступления, общественные отношения, общий объект, родовой объект, видовой объект, непосредственный объект, предмет преступления, многообъектное преступление, классификация «по вертикали», классификация «по горизонтали».

В юридических кругах не раз освещалась проблема определения объекта преступления, что говорит о важности учения об объекте преступления в общей системе уголовно-правовой доктрины. Необходимо отметить, что вышеуказанная проблема тесно связана с учением о составе преступления, так как в состав преступления объект преступления входит как важный и неотъемлемый элемент. Неотъемлемым элементом объект преступления можно считать потому, что не существует ни одного преступного деяния, которое не содержало бы объект, на который направлено посягательство. И именно поэтому актуальность выбранной для исследования темы, в общем, обуславливается важностью самого объекта преступления.

Первоначально следует дать определение уголовно-правовому термину «объект преступления». Так, под объектом преступления обычно понимаются «общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым в результате совершения преступления причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда» [15]. Тем не менее, приведенная трактовка термина не является исчерпывающей, потому что, как верно отметила Е.Н. Карабанова, «объект преступления принято рассматривать с четырех сторон: с философской (гносеологической), аксиологической (ценностной), социальной (материальной) и юридической (формальной)» [4].

Когда речь идет о философском подходе, то объект преступления рассматривается как явление, свойственное бытию. Нередко в философской науке объект преступления исследуется наравне с субъектом преступления, однако, существует и иное представление об объективном, как о воображаемом, что с уголовно-правовой точки зрения применимо, например, при изучении негодных объектов преступлений.

В свою очередь, аксиологии свойственно рассматривать объект преступления как социокультурный феномен. А социальное направление под объектом преступления понимает социальное явление, не ограничивающееся лишь своей сущностью, а являющееся рычагом раз-

вития уголовно-правовой доктрины. И, наконец, юридический подход определяет объект преступления как часть правовой реальности.

Следует указать, что за всю историю своего развития уголовное право как наука претерпело немало интерпретаций объекта преступления, как одного из элементов состава преступления наравне с объективной стороной, субъектом и субъективной стороной. Так, в советский период под объектом преступления понимались лишь «общественные отношения, охраняемые уголовным законом» [4]. Далее от С.В. Позднышева и Н.Д. Сергеевского последовало предложение о формулировании иной концепции объекта преступления, заключающейся в принятии последнего, как «фундаментальной социально-правовой ценности», которое, к слову, поддержал и А.Э. Жалинский [1, с. 306]. Теорию об объекте преступления как о социально-правовой ценности можно сравнить с теорией, выдвигаемой Н.С. Таганцевым, который под объектом преступления понимал «охраненный нормой интерес жизни» [13, с. 115], где интерес – это благо, которое охраняется законом. Н.С. Таганцев объяснял свою точку зрения так: пока право не выражено определенным благом, на него не может быть совершено посягательство, нарушающее закон.

Указанные выше концепции не являются исключительными, было предпринято немало попыток включения в объект преступления человека, которому наносится вред преступлением [5, с. 15], нормы права, предусматривающие уголовную ответственность за содеянное [2, с. 49] и установленные законом условия в целях обеспечения общественных отношений [8, с. 53], что, безусловно, не могло не повлиять на развитие общей теории объекта преступления.

Что касается законодательного регулирования, то следует отметить, что согласно части 1 статьи 12 УК РФ под объектами преступлений следует понимать интересы, охраняемые УК РФ, а согласно части 1 статьи 37 УК РФ объектами преступления могут выступать «личность, права обороняющегося или других лиц, охраняемые законом интересы общества или государства» [14]. В свою очередь Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснение по вопросам применения судами законодательства о необходимой обороне в своем постановлении от 27.09.2012 года № 19, указав, что вышеописанные объекты преступлений являются «охраняемыми уголовным законом социальными ценностями» [7]. И это не единственное постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором объектом преступления называются социальные ценности, охраняемые уголовным законом, в пример можно привести и постановление от 22.12.2015 года № 58 [6].

Тем не менее, суды нередко за объект преступления принимают предмет преступления, то есть элемент материального мира, на который направлено преступное посягательство, так, например, из двадцати пяти изученных и находящихся в свободном доступе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» приговоров и постановлений судов общей юрисдикции было выявлено четыре судебных акта с неверно определенными объектами преступлений. Приговором Большеглушицкого районного суда Самарской области № 1-106/2020 от 13.11.2020 г. по делу № 1-106/2020 [11] объектом преступления, предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 158 УК РФ [14] была выделена собственность, вместо общественных отношений по обеспечению права собственности, включающих в себя вещные права владения, пользования и распоряжения имуществом. Постановлением Михайловского районного суда Рязанской области № 1-107/2020 от 29.07.2020 года по делу № 1-107/2020 [10] объектом преступления предусмотренного пунктом «з» частью 2 статьи 112 УК РФ [14] было выделено жизнь и здоровье человека вместо общественных отношений по обеспечению неприкосновенности здоровья человека. Приговором Чкаловского районного суда города Екатеринбурга Свердловской области № 1-436/2020 от 27.07.2020 года по делу № 1-436/2020 [12] объектом преступления, предусмотренного пунктом «б» части 6 статьи 171.1 УК РФ [14] были признаны доходы бюджета государства, а не общественные отношения по обеспечению установленного экономического и правового порядка, обеспечивающего нормальный оборот маркированных товаров и продукции. И наконец, Постановлением Заводоуковского районного суда Тюменской области № 1-209/2020 от 27.07.2020 года по делу № 1-209/2020

[9] объектами преступления, предусмотренного частью 1 статьи 318 УК РФ [14] были признаны потерпевший и интересы государства, а не общественные отношения по обеспечению нормальной деятельности органов государственной власти и его близких.

Таким образом, можно сделать вывод, что в 16 % случаев судами неверно определяется объект преступления, последний иногда и вовсе подменяется предметом преступления, что свидетельствует о неправильном понимании их сущности. Неправильное определение объекта преступления влечет за собой ошибки в квалификации преступлений, неверное определение характера и степени общественной опасности и смешение совершенного деяния со смежными, например, как в случае с пунктом «б» части 2 статьи 105 и статьи 317 УК РФ [14].

Для того чтобы верно понимать что собой представляет объект преступления и в чем его отличие от предмета преступления, необходимо исследовать их признаки и специфику. Само определение объекта преступления содержит в себе три основных признака:

1. общественные отношения;
2. охранение законом;
3. причинение вреда либо угроза его причинения.

В свою очередь В.Ю. Шевченко, определяет объект преступления как «общественные отношения, которым причиняется вред» [16] и не менее справедливо, но не так обстоятельно выделяет из вышеуказанной трактовки следующие признаки объекта преступления:

1. сам объект (обязательный признак);
2. предмет (факультативный признак)
3. потерпевший (факультативный признак).

Важно, что преступление может быть беспредметным, то есть без физического воздействия на какой-либо материальный предмет, например, как в случае со статьей 240 УК РФ [14]. Это говорит о факультативности предмета преступления, тем не менее, если же в статье прямо указан предмет преступления, то он становится обязательным признаком при квалификации преступлений по предмету посягательства, например, как в случае со статьей 139 УК РФ [14], где предметом преступления выступает жилище. Однако, как уже было замечено ранее, преступлений, не посягающих на какой-либо объект, не существует. Кроме того, предмет, на который направлено преступное посягательство, может быть не один, например, как в случае со статьей 138 УК РФ [14], где предметом могут выступать сведения, содержащиеся в переписке и\или общие сведения о совершении такой переписки. Так же и в случае с несколькими объектами преступления, последнее может являться многообъектным в силу многообразия причиненного вреда преступлением. Так, под многообъектными преступлениями обычно понимаются преступления, вред от которых наносится сразу нескольким общественным отношениям, одно из которых – основной объект. Например, из статьи части 1 статьи 162 УК РФ [14] следует, что основным объектом преступления являются общественные отношения по обеспечению собственности, включающие в себя вещные права владения, пользования и распоряжения имуществом, а дополнительным – здоровье потерпевшего. Если же обратиться к части 3 статьи 162 УК РФ, то в данном случае многообъектность дополняется еще одним объектом – проникновением в жилище. Вообще многообъектность преступлений имеет много видов, в зависимости от количества объектов, их содержания, их связи и их закрепления в уголовном законодательстве.

Вышеуказанное определение не является единственным в уголовно-правовой доктрине, так как до сих пор не выработано образцовое понимание данного термина и потому, следует сделать вывод, что изучение многообъектных преступлений необходимо для выработки критериев отнесения преступлений к многообъектным и как верно помечает Е.Н. Карабанова «отсутствие исследований по вопросам квалификации многообъектных преступлений отрицательно сказывается на следственной и судебной практике, приводит к различной квалификации сходных по конструкции преступлений как следствие, – к неправильному применению норм уголовного права» [3, с. 6].

Таким образом, взаимосвязь объекта преступления и предмета преступления выражается в том, что посредством воздействия на предмет преступления лицо наносит вред объекту преступления.

Что касается классификации объектов преступлений, то важно отметить, что традиционно в уголовно-правовой науке выделяют две классификации объектов преступления: «по вертикали» и «по горизонтали». Так, к первой классификации относят общий, родовый (включая видовой) и непосредственный объекты преступлений.

Под общим объектом преступления понимаются выделенные в статье 2 УК РФ [14] законодателем отдельные категории объектов преступлений. Название родового и видового объекта преступления так же говорит за себя, под родовым объектом преступления понимается совокупность однородных общественных отношений, охраняемых уголовным законом, которые обособлены разделами УК РФ [14], а под видовым объектом преступления понимается подгруппа родового объекта преступления, то есть совокупность однородных общественных отношений в рамках одной главы УК РФ [14], например, родовым объектом всех преступлений против личности являются общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность прав и свобод личности, а видовым объектом главы 16 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие и охраняющие право на неприкосновенность жизни и здоровья [14]. А из самого наименования непосредственного объекта преступления следует, что это конкретное благо, которому вследствие преступления наносится ущерб, например, в случае с частью 1 статьи 105 УК РФ при убийстве вред наносится непосредственно жизни потерпевшего лица.

В свою очередь ко второй классификации относят непосредственный, дополнительный и факультативный объекты преступлений. Сущность определения непосредственного объекта преступления от смены классификации остается неизменной. Под дополнительным объектом понимается не составляющее суть преступления посягательство на общественные отношения, находящиеся под защитой уголовного законодательства, например, дополнительным объектом преступления, предусмотренного статьей 185 УК РФ [14] являются права и интересы граждан, организаций и государства. А под факультативным объектом преступления понимается изменчивое общественное отношение, которое может либо нарушаться, либо не затрагиваться вовсе, например, при совершении преступления, предусмотренного статьей 213 УК РФ [14] здоровье человека может подвергнуться опасности, а может и нет.

Подводя итоги по проделанному исследованию, следует сделать вывод, что проблема определения объекта преступления является весьма актуальной. Было выявлено, что под объектом преступления обычно понимаются «общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым в результате совершения преступления причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда» [15], такое определение не является исчерпывающим, в научных кругах сформулированы и иные концепции понимания объекта преступления, что положительно повлияло на развитие общей теории объекта преступления.

При проведении исследования было выявлено, что суды нередко за объект преступления принимают предмет преступления, так, в 16 % случаев судами неверно определяется объект преступления. Для исключения подобных ошибок была предпринята попытка разграничения предмета преступления и объекта преступления, были выделены их признаки и специфика, и был сделан вывод о том, что взаимосвязь объекта преступления и предмета преступления выражается в том, что посредством воздействия на предмет преступления лицо наносит вред объекту преступления.

Кроме того, обстоятельно были рассмотрены классификации объектов преступлений, которые подразделяются на два вида: классификация «по вертикали» и классификация «по горизонтали», безусловно, данные классификации не являются единственными, так как существуют классификации, выдвинутые еще до принятия УК РФ [14], тем не менее, они считаются наиболее распространенными.

Список литературы:

1. Жалинский, А.Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 2. / сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорная, А.А. Попов ; отв. ред. О.Л. Дубовик ; Нац. исследу ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 591 с.
2. Белогриц-Котляревский, Л.С. Краткий курс русского уголовного права / Л.С. Белогриц-Котляревский, Н.Д. Сергеевский, И.Я. Фойницкий. – Изд. 2-е. – Москва : URSS, 2015. – 255 с.
3. Карабанова, Е.Н. Многообъектные преступления : теория, законодательство, практика : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.08 / ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» . – Москва, 2020. – 469 с.
4. Карабанова, Е.Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. №6 (258). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-obekta-prestupleniya-v-sovremennom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 03.04.2023).
5. Новоселов, Г.П. Актуальные вопросы учения об объекте преступления: методологические аспекты : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.08 / Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2001. – 46 с.
6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 по сост. на 18.12.2018 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 2.
7. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 по сост. на 31.05.2022 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.
8. Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права: (Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования) / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 188 с.
9. Судебные и нормативные акты РФ: Постановление Заводоуковского районного суда (Тюменская область) № 1-209/2020 от 27.07.2020 года по делу № 1-209/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/92jUL9u7LdrV/> (дата обращения: 03.04.2023).
10. Судебные и нормативные акты РФ: Постановление Михайловского районного суда (Рязанская область) № 1-107/2020 от 29.07.2020 года по делу № 1-107/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kVWtUIbZXMbH/> (дата обращения: 03.04.2023).
11. Судебные и нормативные акты РФ: Приговор Большеглушицкого районного суда (Самарская область) № 1-106/2020 от 13.11.2020 г. по делу № 1-106/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ii0IMr4GL9xl/> (дата обращения: 03.04.2023).
12. Судебные и нормативные акты РФ: Приговор Чкаловского районного суда города Екатеринбурга (Свердловская область) № 1-436/2020 от 27.07.2020 года по делу № 1-436/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ywX8TUsstDbJ/> (дата обращения: 03.04.2023).
13. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право. Часть общая: лекции / соч. Н.С. Таганцева. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – СПб. : Гос. тип., 1902. – 815 с.
14. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ по сост. на 18.03.2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
15. Харабара, И.В. Объект преступления и его виды // Образование и право. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-prestupleniya-i-ego-vidy> (дата обращения: 03.04.2023).
16. Шевченко, В.Ю. Объект и предмет преступления // Современная наука. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniya> (дата обращения: 03.04.2023).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНО: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рябинин Илья Александрович

магистрант,

Московский государственный

университет им. М.В. Ломоносова,

РФ, г. Москва

Являясь одним из важнейших направлений государственной культурной политики, киноиндустрия, к сожалению, не лишена недостатков в правовом регулировании отбора, производства, проката и кинопоказа российских фильмов. В большинстве случаев эти недостатки проявляются в неурегулированности законодателем некоторых процедурных вопросов.

Первый – это состав экспертного совета[9], используемого для отбора проектов для получения государственного финансирования. Нередко в состав экспертного совета входят сами заявители конкурса. В таких условиях высока вероятность конфликта интересов, что может повлиять на объективность оценки проектов и полноту принятия решений.

Анализ законодательства также показал, что не предусмотрено сохранение бюллетеней и других документов, являющихся окончательными результатами отбора конкурсных работ. Это делает невозможным анализ информации оценки полноты и объективности бюллетеней.

Таким образом, отсутствие правил, касающихся процедур отбора экспертов и их замены, может существенно повлиять на объективность конкурса в целом и требует государственного внимания, а следовательно, существующие положения должны быть улучшены или дополнены этими правилами.

Второй – процедура оценки заявок экспертным советом. Данная процедура является трудоемкой, так как на субсидирование проектного производства подается около 600 заявок [9]. Несмотря на то, что каждый член экспертного совета должен лично рассмотреть и проголосовать по поданным заявкам, законодатель не предусмотрел никаких положений, регулирующих вопрос передачи указанных заявок членам экспертного совета, что способствует риску объективной оценки и целостности рассмотрения заявок, проголосованных членами экспертного совета. Поэтому в качестве положения о порядке передачи заявок в Экспертный совет можно было бы предусмотреть некий механизм передачи заявок между экспертными группами для более углубленного рассмотрения.

Кроме того, поскольку порядок отбора и внутренний регламент Министерства культуры РФ не содержат требований по сохранению результатов голосования или оценки конкурсных работ экспертной комиссией, отсутствует информация, позволяющая сделать выводы об объективности оценки конкурсных работ и установить честность итогового протокола голосования. Это требование важно, поскольку этап оценки является завершающим этапом конкурса поддержки неигрового анимационного кино.

Что касается художественных фильмов и специальных проектов, следует отметить, что в случае с художественными фильмами обязательным условием является представление проекта непосредственно перед членами экспертного совета, поэтому каждый представитель, входящий в состав экспертного совета, должен обязательно оценить представленный проект в соответствующем бюллетене для голосования. Однако, как и в вышеописанном случае, невозможно установить соблюдение результатов голосования в итоговом протоколе голосования, поскольку обязанность хранить бюллетени не предусмотрена законодательством.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что процедура отбора заявок, т.е. процедура выбора проекта для финансирования, неадекватно определяет оценку публичных заявок. Таким образом, отсутствие данной нормы может привести к тому, что процедуры отбора будут в целом неполными и непрозрачными.

Третий – критерии отнесения художественных фильмов к соответствующим категориям[5], которые будут служить основой для отбора поданных заявок на финансирование. По-

сколькx Законодательство устанавливает конкретные категории, такие как национальные фильмы для детей, национальные фильмы режиссеров-дебютантов, авторские фильмы, экспериментальные фильмы и т.д., критерии отнесения проекта к той или иной категории должны быть четко определены. Следует также отметить, что в подзаконных актах Министерства культуры не указаны критерии, которые позволили бы более объективно оценивать проекты и повысить качество процесса отбора, например, успешность предыдущих работ участников или отзывы зрителей. Выделение средств кино-организациям на производство работ, на продукцию которых нет зрительского спроса, создаст риск неэффективного использования средств, выделенных из федерального бюджета на поддержку организаций.

Таким образом, участие представителей организаций, являющихся участниками конкурса, в экспертных советах может вызвать конфликт интересов и повлиять на объективность оценки проекта и целостность принятия решений, что может быть улучшено путем установления норм требований к отбору представителей для включения в экспертные советы и частоты их ротации.

Кроме того, отсутствие обязанности сохранять документацию о результатах оценки и отбора заявок затрудняет установление объективности самого конкурса на получение финансирования, что приводит к неполноте и непрозрачности процесса в целом. Дополнительные и, можно сказать, существенные критерии в правилах обеспечения соответствия проектов определенным категориям фильмов повысили бы качество процесса отбора заявок и привели бы к более эффективному использованию средств федерального бюджета.

Поэтому целесообразно установить в нормативно-правовых актах следующие положения:

1. Порядок избрания и замены представителей-членов экспертного совета;
2. Регулирующие гарантийные обязательства для оценочной документации проекта;
3. Процедуры подачи заявки в экспертную группу и формирования внутренней экспертной группы для более углубленной экспертизы;
4. Дополнительные критерии для классификации кино-организаций.

Список литературы:

1. О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации / федеральный закон от 22.08.1996 N 126-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 августа 1996 г. N 35, ст. 4136
2. О предоставлении субсидий из федерального бюджета на поддержку кинематографии и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации / постановление Правительства РФ от 8 октября 2020 года №1634 / [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74653322/>
3. Об экспертных советах Министерства культуры Российской Федерации / приказ Министерства культуры РФ от 09.07.2020 года №755 / [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.gov.ru/documents/ob-ekspertnykh-sovetakh-ministerstva-kultury-rossiyskoy-federatsii25042010801/>

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ОСНОВАНИЕ, МОМЕНТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ, ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Таран Елена Сергеевна

студент,
Тюменский государственный университет,
РФ, г. Тюмень

Шапель Анастасия Игоревна

научный руководитель,
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет,
РФ, г. Тюмень

Аннотация. В статье автором рассматриваются различные подходы к пониманию уголовной ответственности, как в позитивном, так и негативном ключе. Кроме того, автором исследуются признаки уголовной ответственности, проблема определения основания уголовной ответственности на примере статистического анализа Прокуратуры Липецкой области, а также определяются временные рамки уголовной ответственности и формы реализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: позитивная уголовная ответственность, негативная уголовная ответственность, наказание, юридический факт, предпосылка, повод, условия, необоснованное привлечение.

Удивительно, но на данном этапе развития уголовно-правовой науки до сих пор не существует единого выработанного определения уголовной ответственности. Невозможно не согласиться с мнением М.К. Нуркаевой, что «уголовная ответственность – это разновидность юридической ответственности» [6]. Но, тем не менее, такое определение уголовной ответственности не является исчерпывающим.

Немалое количество ученых правоведов сравнивают уголовную ответственность с уголовным наказанием, например, такой точки зрения придерживаются И.С. Самощенко [3, с. 69] и С.Н. Братусь [2, с. 90], с чем согласиться невозможно. В данном случае необходимо придерживаться мнения А.В. Макарова, который утверждает, что «наказание является формой реализации уголовной ответственности» [5]. И это действительно так, потому что наказание является частью уголовной ответственности, определенной мерой государственного принуждения, тогда как уголовная ответственность – термин, обобщающий меры такого принуждения для лиц, совершивших преступления, и наказание здесь является лишь последним этапом для ее реализации и применения наравне с возбуждением уголовного дела, предварительным расследованием и судебным производством.

В свою очередь М.Д. Шаргородский под уголовной ответственностью предлагает понимать «претерпевание лицом тех лишений и страданий, которые связаны с порицанием, осуждением и наказанием» [11, с. 215], а В.И. Радченко и А.С. Михлин – «форму негативной реакции общества» [10, с. 66] на совершенное лицом преступление, делая упор на негативную черту уголовного наказания, однако, такая точка зрения так же является спорной в силу того, что, как верно отметил В.Е. Южанин, уголовная ответственность может оказывать как негативное влияние, так и позитивное: «в реализации позитивной уголовной ответственности движущим механизмом является поведение граждан, основанное на соблюдении уголовно-правовых запретов» [12, с. 202]. Таким образом, под позитивной уголовной ответственностью понимается ситуация, при которой наказание не назначается в силу того, что содеянное не может быть отнесено к преступлениям согласно действующему законодательству, либо

лицо под страхом назначения наказания или при соблюдении закона просто не совершает преступлений.

При рассмотрении определения уголовной ответственности важно обратить внимание и на подходы к пониманию последней, так как М.С. Строгович высказал ключевую мысль о том, что уголовную ответственность следует рассматривать в зависимости от ее процессуальной принадлежности, то есть с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого либо в зависимости от материальной принадлежности, то есть с момента вступления в силу приговора [4, с. 291-293]. Но здесь следует добавить, что уголовная ответственность имеет, в том числе, и неформальное выражение, так, согласно статье 8 УК РФ «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления» [9], где выполненные преступные деяния являются юридическим фактом, то есть предпосылкой для дальнейшего привлечения лица к уголовной ответственности. И именно поэтому уголовная ответственность даже по временным параметрам не может совпадать с наказанием, так как уголовная ответственность имеет свое начало непосредственно с момента совершения преступления, а наказание начинается лишь тогда, когда вынесенный судом приговор вступает в законную силу.

Подытожив вышеописанное, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день существует большое количество различных трактовок исследуемой уголовно-правовой дефиниции, тем не менее, наиболее верной или абсолютно точной до сих пор нет, поэтому предлагается под уголовной ответственностью в негативном ключе понимать установленный УК РФ [9] комплекс по ограничению прав принудительного характера, применяемый к лицу, совершившему противоправное деяние признанное преступлением по всем элементам его состава и выражающееся в лишениях и страданиях в нравственном, имущественном или физическом плане. А в положительном ключе под уголовной ответственностью необходимо понимать ненаступление вышеуказанных последствий для лица вовремя прекратившего совершение противоправного деяния, где в пример можно привести примечания статей 222 и 134 УК РФ [9], либо ситуацию при которой под страхом назначения наказания или сознательного соблюдения законодательства лицо не совершает противоправных деяний.

Далее следует рассмотреть признаки негативной уголовной ответственности, так как позитивная уголовная ответственность не вызывает особого интереса для ее изучения в силу того, что она имеет минимальное теоретическое и практическое значение. Вообще, следует указать, что в уголовной науке признаков уголовной ответственности выделяется не малое количество, так, уголовная ответственность:

1. наступает за виновное противоправное общественно опасное деяние, установленное Особой частью УК РФ [9];
2. имеет основание – юридический факт совершения преступления и пределы, то есть момент возникновения и момент прекращения, установленные УК РФ [9];
3. осуществляется в форме порицания от лица государства в принудительном порядке;
4. несет негативные последствия для лица, переступившего границу дозволенного;
5. имеет личный характер, то есть под ответственность попадает лишь то лицо, которое непосредственно совершило преступление;
6. осуществляется в контексте уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений в зависимости от этапов ее реализации.

В свою очередь определение основания привлечения лица к уголовной ответственности имеет ряд проблем, несмотря на официальное закрепление его законодателем в статье 8 УК РФ [9]. Подходы к пониманию основания уголовной ответственности разнятся: под основанием в одном случае считается существующая норма, а во втором – совершенное противоправное деяние. Однако, бесспорно, только при соблюдении совокупности указанных факторов можно говорить о наступлении уголовной ответственности.

Вообще основания уголовной ответственности можно рассматривать как предпосылки, которые определяют возникновение явления, например, наличие определенного лица, государства и права уже являются как таковыми предпосылками для возникновения уголов-

ной ответственности. Также, основания уголовной ответственности можно рассматривать как условия, которые создают возможность появления уголовной ответственности, например, данная государством посредством права человеку воля. И, наконец, основания уголовной ответственности можно рассматривать как поводы, которые являются источниками, содержащими важные сведения для привлечения к уголовной ответственности.

Тем не менее, вышеуказанные понятия отличаются от основания уголовной ответственности тем, что они являются допустимыми и возможными, тогда, как основание – это фундаментальное понятие, то есть, если имеются основания, то уголовная ответственность наступает неизбежно.

Кроме того, под основанием уголовной ответственности нередко понимается и юридический факт [7], что, несомненно, правильно, так как юридические факты имеют свои признаки, которые отчасти схожи с признаками уголовной ответственности, так, юридические факты:

- являются реальными жизненными явлениями;
- становятся таковыми после официально закрепления;
- являются источниками информации об общественных отношениях и основаниями их возникновения;
- имеют отраслевое деление.

Данная проблема понимания основания привлечения к уголовной ответственности существует не только в теории, но и на практике. Так, нередко случаи необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности. На примере статистического анализа Липецкой прокуратуры за 2019-2022 годы, можно увидеть, что дознавателями органов внутренних дел допущен 1 факт необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности в 2019 году, в 2020 году – 1, в 2021 году – 5, в 2022 году – 5. А следователями органов внутренних дел допущено 3 факта необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности в 2019 году, в 2020 году – 6, в 2021 году – 5, в 2022 году – 4 [8], что указывает, во-первых, на некомпетентность сотрудников правоохранительных органов, а во-вторых, на размытость официальной закреплённой дефиниции, поэтому, к основаниям уголовной ответственности следовало бы отнести и норму права, и юридический факт, как преступление, и состав такого преступления, тогда будут учтены все элементы образующие основание уголовной ответственности и, возможно, такая трактовка будет более простой для понимания.

Важно отметить, что уголовная ответственность имеет пределы, которые определяют ее начало и ее окончание. Так, несмотря на то, что основанием привлечения к уголовной ответственности является непосредственно совершение преступления, моментом ее возникновения все же принято считать момент предъявления обвинения лицу, совершившему преступное деяние, потому как в данном случае важным является формальное закрепление данного факта. Тем не менее, в научных кругах имеется точка зрения о том, что основания уголовной ответственности равнозначны моменту наступления уголовной ответственности [7], но если обратиться к статье 299 УК РФ [9], то можно заметить, что законодателем не зря отдельно выведены понятия «привлечение к уголовной ответственности» и «возбуждение уголовного дела», из этого следует, что во время возбуждения уголовного дела лицо может быть еще не привлечено к ответственности. В свою очередь моментом прекращения уголовной ответственности принято считать момент полного отбытия наказания и окончания влияния иных мер воздействия уголовно-правового характера (снятие и погашение судимости).

Последнее, что необходимо рассмотреть в рамках исследования – это формы реализации уголовной ответственности. Так, уголовная ответственность имеет этапы реализации и формы реализации. На разных этапах реализации уголовной ответственности ее формы отличаются. Существует три этапа:

1. привлечение лица в качестве обвиняемого;
2. рассмотрение дела судом;
3. отбывание наказания.

На первом этапе реализация уголовной ответственности возможна в двух формах: применение мер процессуального принуждения и освобождение от уголовной ответственности. На втором этапе реализация уголовной ответственности возможна в четырех формах: освобождение, условное освобождение, осуждение с назначением наказания или без такового. И наконец, на третьем этапе реализация уголовной ответственности возможна в двух формах: ограничение прав и свобод личности и замена уголовного наказания, как мягким, так и строгим.

Конечно, существуют и иные классификации форм реализации уголовной ответственности, например, Е.Н. Бархатова [1] подразделяет их на наказания, испытания и предупреждения, однако, такой подход кажется менее удобным.

Таким образом, делая вывод по проделанному исследованию, необходимо указать, что на данном этапе развития уголовно-правовой науки до сих пор не существует единого выработанного определения уголовной ответственности. Усложняется ситуация и тем, что уголовная ответственность может являться как негативной, так и позитивной. Исследовав несколько определений, в работе были предложены обобщающие определения негативной уголовной ответственности и позитивной уголовной ответственности.

Кроме того, получилось отделить уголовную ответственность от наказания. Так, было выяснено, что наказание является частью уголовной ответственности, определенной мерой государственного принуждения, тогда как уголовная ответственность – термин, обобщающий меры такого принуждения для лиц, совершивших преступления, и наказание здесь является лишь последним этапом для ее реализации и применения.

Помимо этого, в работе приведено шесть признаков уголовной ответственности, произведено сравнение основания уголовной ответственности с предпосылкой, условием и поводом, и был сделан вывод, что перечисленные понятия отличаются тем, что они являются допустимыми и возможными, тогда, как основание – это фундаментальное понятие. Также, было сформулировано умозаключение, что к основаниям уголовной ответственности следовало бы отнести и норму права, и юридический факт, как преступление, и состав такого преступления, тогда будут учтены все элементы образующие основание уголовной ответственности и, возможно, такая трактовка будет более простой для понимания.

И наконец, в последней части работы были определены временные рамки уголовной ответственности. Так, моментом возникновения уголовной ответственности принято считать момент предъявления обвинения лицу, совершившему преступное деяние, а момент окончания – момент полного отбытия наказания и окончания влияния иных мер воздействия уголовно-правового характера. Поэтапно были рассмотрены и формы уголовной ответственности в том числе, которые принято делить на три этапа в зависимости от хода уголовного процесса, было выяснено, что это не единственная классификация форм, интересной показалась и классификация Е.Н. Бархатовой [1], которая подразделяет их на наказания, испытания и предупреждения.

Список литературы:

1. Бархатова, Е.Н. Доктринальные вопросы уголовной ответственности в российском уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. №8 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrinalnye-voprosy-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-rossiyskom-ugolovnom-prave> (дата обращения: 05.04.2023).
2. Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность : (Очерк теории) / С.Н. Братусь ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 215 с.
3. Самощенко, И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. – Москва : Юрид. лит., 1971. – 240 с.

4. Строгович, М.С. Уголовный процесс: Учебник для юрид. ин-тов и фак-тов : Допущ. Министерством высш. образования СССР в качестве учебника для юрид. ин-тов и фак-тов / Проф. М.С. Строгович ; Ин-т права Акад. наук СССР. – Москва : Юрид. изд-во, 1946. – 511 с.
5. Макаров, А.В. Уголовная ответственность и наказание: проблемы соотношения уголовно-правовых категорий // Вестник ЗабГУ. 2011. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-i-nakazanie-problemy-sootnosheniya-ugolovno-pravovyh-kategoriy> (дата обращения: 05.04.2023).
6. Нуркаева, М.К. Природа уголовной ответственности // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2021. №1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-ugolovnoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 05.04.2023).
7. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности в 2 ч. Часть 1 / Л.И. Петражицкий. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 237 с.
8. Прокуратура Липецкой области: – [Элект. ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_48 (дата обращения: 06.04.2023).
9. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ по сост. на 18.03.2023 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
10. Уголовное право. Общая часть : учебник / [Казакова В.А. и др.] ; под общ. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин; Всерос. науч.- исслед. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Москва : Юстицинформ, 2004. – 575 с.
11. Шаргородский, М.Д. Избранные работы по уголовному праву / М.Д. Шаргородский. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 434 с.
12. Южанин, В.Е. О позитивной уголовной ответственности / В.Е. Южанин // Человек: преступление и наказание. – 2020 – Т. 28 (1-4), № 2. – С. 200-206.

PAPERS IN ENGLISH

RUBRIC

«HISTORY AND ARCHEOLOGY»

FALSIFICATION OF THE FACTS OF THE SECOND WORLD WAR
AND THE GREAT PATRIOTIC WAR IN DOMESTIC PRACTICE

Kutova Angelika Vladimirovna

Student

*of Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod*

Abstract. The problem of falsification of the history of the Second World War and the Great Patriotic War arose already in the post-war period as a result of the development of the confrontation between the USA and the USSR in the world political arena and acted as an instrument of information attack. Over time, the "cold war" was over, but the phenomenon of falsification of military facts remained in existence and continues to exist today. The problem has especially worsened with the new confrontation between the United States and Russia. Each of the countries will use deliberately false arguments to confirm their positions, which negatively affects the competence of people in matters of the Second World War and the Great Patriotic War. This aspect formulates the need to analyze the falsification of the results and causes of the Second World War, to which our work will be devoted.

Keywords: Falsification, World War II, researchers.

The concept of falsification in a specific historical profile is a false description or statement regarding a particular historical event in favor of a biased idea. Considering the purposes of falsifications, one can note their wide variety: the consolidation of the role of a particular people in the event, the justification of the legitimacy of the ruling party, the ennobling of the country or vice versa – «denigration», etc.

The most common example of modern falsification of history is the problem of analyzing the results and consequences of the Second World War. As a rule, this phenomenon is caused by the introduction of politicization into the scientific field. Domestic and foreign historians often use unreliable sources or deliberately false facts in their research, with which they try to substantiate their hypothesis. As a rule, the fact of falsification in world historiography was inherent in Western researchers under the influence of political games of states. This was especially vividly demonstrated during the Cold War, when one of the weapons of the Western Bloc was the information blockade. In the light of this aspect, it seems rather absurd to have examples of false statements in domestic practice. One way or another, but such a phenomenon takes place.

Considering the Western concept of falsification, it can be noted that Western «historians» are only trying to share responsibility for the outbreak of the Second World War between Germany and Russia. In the works of our compatriots, we can find such ideas as Stalin's desire to seize Europe or Stalin's betrayal of Hitler in the conduct of the course of the war. among such pseudo-historians are such names as V. Rezun-Suvorov, G. Popov, K. Alexandrov, B. Sokolov, I. Chubais, D. Winter, etc. Referring to «a number of scientists», and in fact, echoing the «genius» of fascist propaganda Goebbels, the authors universally accuse the USSR of preparing an attack on Germany, trying to

minimize the importance of the Soviet-German front in defeating fascism and liberating Europe from the German army. For an illustrative example, let's look at several actual examples of such researchers who published their works already in the XXI century.

One of the most common examples of falsification of the facts of the Second World War and the Great Patriotic War in domestic practice is the theory of V. Rezun-Suvorov regarding the causes of the outbreak of the Second World War. The theory was based on the belief that the main reason for the deployment of a militarized conflict on a global scale is the result of the Soviet policy of seizing the European part of the continent. As proof, Suvorov cites a comparison of the number of military units from Germany and from the USSR, standing at the time of the attack on the western borders, in favor of the Soviet Union: «We have 20 thousand tanks, the Germans have only 3,300, Stalin is the aggressor» [Rezun-Suvorov, 2016]. According to the paradigm of Rezun-Suvorov, on July 6, 1941, the USSR government planned the first stage of the seizure of German territories. In this light, the initial defeat and retreat of the Soviet troops to the capital is explained by Suvorov as a consequence of the effect of the surprise attack of Germany: the Soviet troops were set up for offensive operations, not defensive. Speaking about the fact of hiding the reasons for the retreats, Rezun-Suvorov wrote as follows: «Try to find a book in Paris about France's unpreparedness for war! I have trampled three pairs of iron boots, worn out three iron caps, worn out three iron staffs on Parisian sidewalks – I have not found anything in the book ruins about France's unpreparedness for war. Everything is only about our unpreparedness, everything is about our stupidity, about the cowardice of Stalin, his marshals, generals, officers and soldiers. But if some smart guy decided to calculate the percentage of fools and cowards among the officers of the French army, then they would quickly pull out his legs so as not to trample on French soil with them. And a publishing house that published a book with such information would simply be burned by a ferocious crowd» [Rezun-Suvorov, 2016]. These statements and attempts at their argumentation can be found in the works of Rezun-Suvorov «Icebreaker», «Day M», «The Last Republic», «Purification», etc.

Another representative of the falsification of the facts of the Second World War and the Great Patriotic War is the politician, economist G.H. Popov. In his work «Stalin's Three Wars», the author examines several extraordinary facts about the course of the war. So, his first absurd statement is the statement that Stalin is to blame for the prolonged impossibility of opening a «second front». Citing confirmation of his hypothesis, Popov writes: «Stalin himself – by his unwavering desire for the destruction of fascist Germany – eliminated from Churchill a serious motive for the rapid opening of the second front» [Popov, 2006]. Considering the reason for such an ardent desire to continue the war, Popov defines it as follows: «Hitler outplayed Stalin in starting the war and refused to accept his surrender. Hitler mortally offended Stalin. Such grievances are washed away only with blood – this is the «law of the mountains» [Popov, 2006]. In addition, the need to open a «second front», according to Popov, disappeared due to active resistance to the German troops, thereby eliminating «the factor of Churchill's fear of Stalin's early defeat – as a motive for the early opening of the second front» [Popov, 2006].

The fact of the reason that provoked the outbreak of World War II and the Great Patriotic War, Popov describes, continuing the idea of Rezun-Suvorov about the preparation of the USSR for a strike on Germany: «I want to hope that our leaders... will tell the people the truth: Stalin's communist regime was going to attack Germany first» [Popov, 2006].

B. Sokolov's book «The Truth about the Great Patriotic War» begins with a rather loud annotation, where the author examines the topic of the consequences of the Second World War in numerical terms: «The Truth about the Great Patriotic War» is one of the first serious attempts in Russian historical science to tell about the facts that really took place, but or were carefully hidden, or received the opposite interpretation. The figures of the USSR's military losses, the contribution of our allies in the anti-Hitler coalition (especially the United States) to the victory over Germany, the truth about the Soviet economy (more precisely, the truth about the colossal postscript during the war) are also our story» [Sokolov, 2012]. The author accuses the state of deliberately falsifying data on economic spending during the war. Sokolov considers the formation of an order for statistics to be one of the reasons for this phenomenon: «The irretrievable losses of the Soviet Armed Forces of

26.4 million people... It should also be noted that the huge irretrievable losses of the Red Army did not allow, to the same extent as in the Wehrmacht and even more so in the armies of the Western Allies, to retain experienced soldiers and junior commanders, which reduced the adhesion and resistance of units and did not allow the replenishment fighters to adopt combat experience from veterans, which further increased losses. Such an unfavorable ratio of irretrievable losses for the USSR was a consequence of the fundamental vice of the communist totalitarian system, which deprived people of the ability to make decisions and act independently, taught everyone, including the military, to act according to a template, to avoid even reasonable risk and, more than the enemy, to be afraid of responsibility before their higher authorities» [Sokolov, 2012].

Of particular interest in the field of falsification of the causes of World War II and the Great Patriotic War is I. Chubais' article «How did the USSR unleash World War II, and Putin turned history around?». The author of the article considers the beginning of the war as a result of the work of the USSR and Germany on the policy of seizing Poland: «On August 23, a «Non-aggression Treaty» was signed with Germany and, to it, a Secret protocol. In accordance with the agreements reached, the Reich a week later, and Stalin three weeks later attacked Poland and began WWII» [Chubais, 2020]. «In addition, in the article, the author cites an interesting fact about the cooperation of Hitler and Stalin to seize Europe: «Having captured and divided Poland with Stalin, Hitler believed Moscow. And by the middle of the 41st year, having occupied, with the economic support of the USSR, most of Europe, the Reich increased its military potential and came to the conclusion that it was time to attack Russia» [Chubais, 2020]. According to the logic of these two theses, Chubais argues that Stalin could have avoided the war twice, but did not take the chance. Considering the fact of signing a treaty with Germany, and not with France and England, which, according to Chubais, would be more effective for the USSR, the author cites the following statements: «Stalin preferred friendship with Hitler to the ENTENTE already because he could agree with the Fuhrer on the division of Europe and the transfer of vast territories from Finland to Soviet control Romania. Such collusion was impossible with England and France». The second thesis of Chubais, as well as the representatives of false history considered by us earlier, calls the fact of the USSR's desire to seize German territory, the reason for which the author calls the nature of the Soviet system: «The fact is that the Bolsheviks never sought peace, they sought war!... Hastily patching up the terrible losses suffered in the Civil War, canceling the NEP and declaring the era of the Great Turning Point, Stalin continued accelerated preparations for the great war. In the mid-30s, it turned out that the plans of the Fuhrer and the Leader coincide, after the confrontation in Spain, they became allies» [Chubais, 2020].

Thus, we can say that over the last decade in Russia there has been a tendency to «denigrate» the role of the USSR in the victory over fascism. One of the characteristic negative features of the spiritual sphere of the modern world are attempts to falsify the history and results of the Second World War and the Great Patriotic War, which are an important component of ideological confrontation and the realization of geopolitical ambitions of a number of states. Attempts to rehabilitate fascism and replace post-war realities lead to the destruction of the entire system of modern international relations and, as a result, to an aggravation of the struggle for the redistribution of the world, including by military means. The modern policy of the United States and the European Union, based on the so-called Euro-Atlantic solidarity, according to Western ideologists, needs a revision of values, and then international legal norms. To this end, they seek to distort the results of the Second World War, remove the Great Patriotic War from history, the feat of the Soviet people who saved the world from fascism, and put the Soviet Union together with Hitler's Germany in the dock of history, blaming all the troubles of the twentieth century. The analysis of attempts to «rethink» and «revisionism» the history of the Second World War and the Great Patriotic War shows that most often it is carried out by ignoring or even demonstratively refusing to comply with the general principles and methods of historical research that have been developed by the world scientific community of historians and philosophers. For this purpose, they are actively used: the creation of various myths that have nothing to do with historical truth, the tendentious pulling out of the historical process of individual "fried" facts, around which false conclusions are built; introduction with-

out proper scientific justification of new concepts, manipulation around historical events or personalities. Today we are on the threshold of a new stage of understanding the national history. More and more people understand that its distortion and falsification are dangerous for our society because they destroy the historical consciousness and memory of the people, deform social and individual morality.

References:

1. Zhukovsky S.T. Russia in the history of world civilization. IX-XX centuries / S.T. Zhukovsky . – Moscow, 2008.
2. Suvorov V.B. Icebreaker. – Moscow, 2016. Russian Archive: The Great Patriotic War. On the eve of the war: Materials of the meetings of the higher. the leadership of the USSR Navy at the end of 1940 – M., 1998.
3. Suvorov V.B. The Last Republic. – Moscow, 2011. bragimova, G.S. The problem of falsification of the events of the Great Patriotic War / G.S.
4. Sokolov B. The price of war: human losses of the USSR and Germany, 1939-1945 // The Journal of Slavic Military Studies, No. 1. – March 1996. – vol. 9.
5. Falsification: terminology [Electronic resource] – Internet resource: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/19096>
6. Chubais I. How the USSR unleashed World War II, and Putin turned history around. – 2020. – Internet resource: <https://news.rambler.ru/other/43616115-obozrevatel-ukraina-kak-sssr-razvyazal-vtoruyu-mirovuyu-voynu-a-putin-perevernul-istoriyu/>

RUBRIC

«PEDAGOGY»

FEATURES OF M. MONTESSORI'S PEDAGOGICAL THEORY AND PRACTICE

Titova Evgenia Vyacheslavovna

Student,

*Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod*

Buzina Evgenia Igorevna

Scientific adviser,

*Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod*

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ М. МОНТЕССОРИ

Титова Евгения Вячеславовна

студент,

*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
РФ, г. Белгород*

Бузина Евгения Игоревна

научный руководитель,

*Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
РФ, г. Белгород*

The central place in the Montessori teaching method is occupied by a dynamic triad: the child, the teacher and the environment. One of the roles of the teacher is to guide the child through what Montessori called a "prepared environment", that is, a classroom and a way of learning that are designed to support the intellectual, physical, emotional and social development of the child through active research, choice and independent learning.

One way to understand the Montessori method is to consider its two important aspects: educational materials and how the teacher and the environment contribute to the independent interaction of children with them. In terms of educational materials, Montessori has developed a set of managed objects designed to support children's learning of sensory concepts such as size, color, shape and texture, as well as academic concepts of mathematics, literacy, natural sciences, geography and history.

As for engagement, children learn by working with materials, most often individually, but also in pairs or small groups during a 3-hour "work cycle" in which the teacher helps them choose their own classes. They are given the freedom to choose what they are working on, where they are working, with whom they are working and how long they have been working on this or that type of activity, and all this is within the rules of the class. There is no competition between children, there is no system of external rewards or punishments. These two aspects are the training materials themselves,

It should be noted that for Montessori, the goal of education is to enable the optimal development of the child (intellectual, physical, emotional and social). This is a very different goal than most of today's education systems, where the focus is on academic subjects such as literacy and mathematics.

The principle of Montessori pedagogy is that the child creates himself, in his own activity. The child's consciousness absorbs everything around it like a sponge. The child's education takes place in accordance with his biological rhythm, individual pace.

Many Montessori schools complement the environment surrounding the child with areas such as music, art and dance, woodwork, foreign language, contributing to the further enrichment of the overall development of the child. Motor exercises develop the child physically and help him feel his body and realize his capabilities. Thanks to all this, as well as a subtle psychological approach, taking into account the individual characteristics and capabilities of each child, relying on the natural features of human perception, "Montessori children" master writing and counting earlier (by the age of 5) and better than their peers, they develop an inclination to study, develop will.

As noted earlier, two important aspects of the Montessori educational method are educational materials and the independent nature of children's interaction with these materials. Some key elements of each of these aspects will be considered in more detail.

Let's focus on the characteristics and features of educational materials. The first educational materials that a child may encounter in a Montessori classroom are those materials that make up the practical curriculum. These are actions that include the use of various materials, the use of accessories such as scissors, forceps and tweezers, cleaning and polishing, preparing snacks, setting the table and washing dishes, arranging flowers, gardening, unbuttoning and unbuttoning the fasteners of clothes and so on. Their goals, in addition to developing the child's independent living skills, are to develop the child's large and small motor skills and eye-hand coordination in order to introduce them to the cycle of activity, as well as to familiarize them with the rules of functioning in the social environment in the classroom.

As the child gets used to the work cycle and demonstrates the ability to focus on self-selected actions, the teacher introduces sensory materials. The key feature of sensory materials is that each of them highlights only one concept that the child should focus on. The pink tower, for example, consists of ten cubes that differ only in their sizes, the smallest is 1 cm, the largest is 10 cm. During the construction of the tower, the child's attention is focused exclusively on the regular reduction of the volume of the cubes following each other. There are no additional hints – for example, different colors or numbers written on the faces of the cube – that could help the child to place the cubes correctly. Another example of sensory material, sound boxes, contains six pairs of closed cylinders, the sound of which changes from quiet to loud when shaken, and the child's task is to find suitable pairs. Again, there is only one signal that a child can use to complete this task: sound. The purpose of sensory materials is not to provoke the child's feelings with stimuli; on the contrary, they are tools designed to give the child the opportunity to classify and name the stimuli that he will encounter every day.

In addition, sensory materials are intended for preparation for academic subjects. Long rods, which consist of ten red rods, the length of which varies only in increments from 10 cm to 1 m, have an equivalent in mathematical materials: numerical rods, where the rods are divided into alternating 10-centimeter sections of red and blue colors so that they take numerical values 1-10. The touch panels, which consist of alternating strips of sandpaper and smooth paper so that the child can feel them, are a preparation for the globe in geography – a globe on which the land is made of coarse sandpaper, but the oceans and seas are smooth. Touch boards also serve as a preparation for writing letters and numbers, which the child learns to trace with his index and middle fingers.

Key elements of the literacy curriculum include introducing writing before reading, breaking down the components of writing skills (pencil control, letter formation, spelling) before the child actually writes words on paper, and using phonetics to teach sound. Grammar – parts of speech, morphology, sentence structure – is systematically taught with the help of teachers and materials made by children.

In the math curriculum, the numbers 0-10 and their symbols are introduced separately before combining, and shortly after that, large numbers and symbols (tens, hundreds and thousands) and fractions are introduced, all through specific materials. The operations (addition, subtraction, multiplication, division, square root calculation) are again introduced using specific materials that the child may decide to stop using when he can succeed without this specific support.

The principles used in the development of these educational materials are that the child learns through movement and receives a concrete basis in order to prepare him for the study of more abstract concepts. Another principle of development is that each educational material has "error control", which warns the child about any mistakes, thereby exercising self-control with minimal support from the teacher.

Despite the importance of teaching materials, they do not constitute a Montessori method by themselves, because they need to be used in a certain way. Montessori noticed that a small child is able to concentrate for a long time on activities that arouse his spontaneous interest. There are two features of how children interact with educational materials that, according to Montessori, contributed to this concentration. Firstly, there is an activity cycle associated with the use of each part of the material (the so-called "internal work cycle"). For example, if a child wants to use a pink tower, he will need to find a large enough space on the floor to unfold a rug that will designate his work area, carry ten cubes of the pink tower individually to the rug from where they are stored, then build a tower. After he builds the tower, he can repeat this action as many times as he wants. Other children can come and watch, and if he wishes, they can join him, but he can continue on his own if he wishes, and for as long as he wants. When he is satisfied, he will break the pink tower and reassemble it in its original place so that another child can use it.

The second feature aimed at increasing concentration is that these activity cycles occur over a 3-hour period of time (called the "external duty cycle"1). During these 3 hours, children can mostly choose classes independently and together with others, as well as find their own rhythm of activity, freely moving around the classroom at the same time. One may wonder what the role of the teacher is during this period. Although children have a lot of freedom in what they do, their freedom is not unlimited. The role of the teacher is to guide children who find it difficult to choose materials or who bother others, introduce new materials to children who are ready for new challenges, and conduct lessons in small groups. Decisions about what to teach are made based on careful observations of children and depend on their needs.

Thus, there are two aspects of Montessori classrooms that are very different from regular classrooms: the teaching materials themselves and the individual, independent nature of teaching under the expert guidance of the teacher. The key elements of the pedagogical system of M. Montessori are the features of the training materials themselves (for example, each element of the material defines only one concept, each contains a means of error control that allows self-correction, learning moves from concrete to abstract concepts) and a controlled way of interacting with these materials (for example, independent choice, multiple and active participation, subsequent cleaning, freedom from interruption, lack of ratings and external incentives). This can potentially benefit development and learning compared to teaching in a regular classroom.

So, analyzing the theoretical foundations of M. Montessori's pedagogical system, we can summarize the following results.

The principles of Montessori classes involve the interaction of the child with the objects surrounding him daily in everyday life. Musical greetings are used as physical minutes. But the presence of an adult and his participation in cognition is given a secondary role. The first is the interest of the child. One of the leading principles is the reliance on sensitivity, that is, the child's susceptibility to certain stimuli at different age stages.

References:

1. Borisova O.F. Kindergarten according to the Montessori system. Project of an Exemplary Basic Educational Program for Preschool Education / O.F. Borisova, V.V. Mikhailova, E.A. Hiltunen. – M.: National education, 2015.

2. Montessori M. Children – others / M. Montessori.M.: AST, 2015.
3. Nikitina V.P. Pedagogical conditions for the self-development of a younger student in educational activities based on the Montessori method. Abstract dis. cand. ped. Sciences. – Petrozavodsk, 2007.
4. Selivanov N.S. Pedagogical system of M. Montessori in modern conditions / N.S. Selivanov // Modern science: research, technology, projects: Sat. V international scientific-practical conference. – 2015.
5. Sorokova M.G.M. Montessori system: Theory and practice: Proc. Allowance for students. higher textbook institutions – M. : Publishing Center "Academy", 2015.
6. Khiltunen E. The author's program of education and training in the Russian Montessori kindergarten and elementary school. – M., 2016.

RUBRIC

«PSYCHOLOGY»

THE CONCEPT OF PERFORMANCE ANXIETY AND THE RELATIONSHIP TO ATHLETIC PERFORMANCE

Olga Dyachuk

Student,

Belgorod State National Research University,

Russia, Belgorod

ПОНЯТИЕ ТРЕВОЖНОСТИ И ВЗАИМОСВЯЗЬ СО СПОРТИВНЫМИ ДОСТИЖЕНИЯМИ

Дячук Ольга Владимировна

студент

Белгородского государственного национального

исследовательского университета,

РФ, г. Белгород

In the relevant literature, this issue mainly revolves around the term performance anxiety. Performance anxiety has been viewed as a specific form of social anxiety that is not generally found in other areas of life, and therefore can be viewed as a condition rather than a character trait. If a stressful situation/event should be defined as one that presents a certain kind of challenge or threat to a person, athletic competitions can be considered stressful because they challenge the athlete by default and are a requirement for a certain achievement [10]. The somatic component of anxiety refers to its physiological and emotional aspects, while in essence they are a direct consequence of physiological activation. As a result of this activity, the athlete experiences a number of physical symptoms, and these symptoms are recognized as nervousness and tension. It is very important to note that somatic anxiety can affect athletic performance depending on how the athlete perceives and interprets these physical sensations, often manifested in muscle tension or an accelerated heart rate. Cognitive anxiety, as a mental component, arises from negative expectations about the outcome of the competition, lack of confidence in oneself, or doubts about one's abilities. The presence of cognitive anxiety is reflected in the negative self-esteem of athletes, which leads to excessive anxiety, reducing the ability to effectively perform athletic tasks. The third component of the multi-dimensional theory of competitive anxiety is self-confidence. In sports, the term "self-confidence" refers to a belief in one's abilities and skills. Given the relationship between anxiety and successful athletic performance, there is a direct negative relationship between the two. In a competitive situation, successful athletic performance depends on moderate somatic anxiety and low cognitive anxiety. Moderate somatic anxiety helps an athlete achieve and maintain the optimal level of activation necessary to perform a particular physical activity. Every athlete may experience some level of anxiety before or during competition. While some athletes experience calm, low-intensity arousal, others experience intense and therefore anxious or blocking levels of trepidation. If high anxiety persists during various sporting events, it directly affects the athlete's performance, most likely lowering it. It also resonates as additional negative information for the athlete that he/she is not good enough, that he/she cannot achieve the desired results, affecting their confidence and therefore entering into a series of bad moves, bad decisions and lost matches. In other words, a self-fulfilling prophecy [18]. Levels of cognitive and somatic anxiety increase as the competition approaches and peak just before the competition begins. When the match begins, somatic anxiety decreases radical-

ly, and the course of the game dictates a change in cognitive anxiety. Mistakes that athletes make in competition are usually the result of cognitive rather than somatic anxiety, and hence cognitive anxiety is inversely related to achievement. More specifically, an increase in cognitive anxiety leads to a decrease in athletic performance. Most research on sports anxiety suggests that the critical construct to study is cognitive anxiety. This term refers to a type of anxiety that is future-oriented and occurs in situations where an athlete's attention is focused on anticipated obstacles or where potential failure is anticipated. The general assumption is that the presence of cognitive anxiety alone can reduce an athlete's performance because it is generated by a certain way of thinking, i.e., focusing on potential hazards and obstacles and, as such, can cause not only anticipation of failure, but failure itself [17]. In addition to anxiety, the experience of general self-efficacy is an important psychological construct concerning athletes' success and achievement. Self-efficacy theory is one of the most widely used approaches to assessing the relationship between self-confidence in sport and motor skills. Some authors define self-efficacy as an individual's belief in his or her competence and success in performing a specific task or group of functions and suggest that self-efficacy is an essential part of achievement. The higher the self-efficacy, the higher the performance and the lower the emotional arousal. Successful success increases expectations of future success, while failure decreases them. In the context of Bandura's theory, self-efficacy is a general cognitive mechanism that mediates human motivation and behavior. Our assessment of our own ability to perform at a certain level affects our practices, our cognitive schemas, and our emotional responses in difficult and challenging situations. In the context of a sporting event, self-efficacy assessment is a major determinant of an athlete's behavior because the competition itself contains specific stimuli and requires the application of certain skills and techniques. Evaluations are the results of a complex process of self-evaluation and self-affirmation of individuals based on different information about performance. Maddux added two other categories important to this process, emotional states and imagined experiences. Previous accomplishments are considered the most important source of information about efficacy. If the individual perceives his experiences as successes, self-efficacy beliefs will increase, and if he perceives them as failures, self-efficacy experiences will decrease. Relaxation after easy success and reinforcement after failure is a common sequence of competitive «sinusoids» [8]. Information about performance in sport can be obtained by comparing an individual's progress and comparing it to others. This involves observing the performance of other athletes and using this information as the athlete performs. This information is readily available in a collective sport, so players often use it to develop and improve their self-efficacy. During a practice or match, each player has the opportunity to evaluate his or her own performance and compare it to that of others. Studies on athletes show a positive correlation between perceived self-efficacy and performance in many sports. Correctly evaluating his or her effectiveness helps athletes and reduces the fear of injury to the lowest level and thus increases success in acquiring new motor skills.

ARTIKEL IN DEUTSCHER SPRACHE**RUBRIK****«POLITIKWISSENSCHAFT»****METHODEN UND TECHNIKEN, DIE DIE ENTWICKLUNG DER FEINMOTORIK BEI KINDERN IM VORSCHULALTER FÖRDERN**

Olga Ageeva

Student des 4. Kurses

der Belgorod State National Research University,

Russland, Belgorod

Es ist bekannt, dass das Niveau der Sprachentwicklung von Kindern direkt vom Grad der Bildung der Fingerbewegungen abhängt. Und wenn die Entwicklung der Fingerbewegungen zurückbleibt, verzögert sich auch die Entwicklung des Kindes. Jetzt haben viele Kinder im Vorschulalter Probleme mit der Sprache: Das Kind spricht entweder überhaupt nicht oder spricht schlecht, daher ist es notwendig, die Feinmotorik von Kindern in jungen Jahren zu entwickeln. Es gibt eine große Anzahl von Techniken dafür. Dies sind verschiedene Fingerspiele und Übungen mit verschiedenen Gegenständen – Bleistifte, Kieselsteine, Zählstäbchen, Schnürspiele, Selbstmassage der Hände. Sie sind alle einfach und gleichzeitig effektiv. Solche Klassen bieten die Möglichkeit, die Aussprache zu verbessern, den Wortschatz zu bereichern, die Hand vor dem Eintritt in die Schule auf das Schreiben vorzubereiten.

Übungen mit Händen und Fingern bei Kindern im Vorschulalter harmonisieren Körper und Geist, beeinflussen die Gehirnaktivität positiv, einfache Handbewegungen helfen, geistige Müdigkeit zu lindern, verbessern die Aussprache vieler Töne, entwickeln die Sprache des Kindes, der Geist des Kindes ist an der Fingerspitze.

Die folgenden Methoden und Techniken werden verwendet, um die Feinmotorik bei Vorschulkindern zu entwickeln:

1. Schnürspielzeug. Dank solcher Spielzeuge können Sie sich viele Spiele mit Kindern vorstellen. Zum Beispiel können Sie einfach schnüren, oder Sie können Schnürung in einem Handlungsrollenspiel anwenden oder Farben lernen. Schnürspiele wurden entwickelt, um Feinmotorik, Ausdauer und ein Auge zu entwickeln. Während des Spiels werden die Koordination der Bewegungen und die Flexibilität der Hände verbessert.

2. Spiele mit Würfeln, Holzpyramiden, Konstrukteuren. All dies entwickelt Fingerfertigkeit und die Fähigkeit, sich im Raum zu orientieren.

Puzzles aus verschiedenen Materialien tragen sowohl zur Entwicklung der Motorik selbst als auch zur Entwicklung von Achtsamkeit, Einfallsreichtum und logischem Denken bei.

In der pädagogischen Aktivität kann die Entwicklung der Feinmotorik verwendet werden:

- Plastilin, mit dessen Hilfe das Kind die Beweglichkeit von Fingern und Hand entwickelt, was zur Sprachentwicklung beiträgt;

- muster aus Bohnen. Dazu muss das Kind jedes einfache Bild auf den Karton kleben und die Bohnen mit Leim kleben, wodurch das Bild selbst ausgefüllt wird. Diese Aufgabe trägt zur Entwicklung der Finger- und Handmuskulatur bei;

- Mosaik. Sie können dem Kind vorschlagen, einen Streifen aus farbigem Papier in kleine Stücke zu reißen und das Mosaik mit Kleber aus ihnen zu legen;

- farbiges Grieß. Um dies zu tun, muss das Kind auf dem Blatt ein einfaches Konturmuster zeichnen und es mit Klebstoff einfetten. Füllen Sie dann das Bild mit dem Grütze aus;
- modellieren aus Ton und Plastilin; Ausmalen von Bildern; Ausführen verschiedener Papierhandwerke; Herstellen von Kunsthandwerk aus natürlichem Material: Zapfen, Eicheln, Stroh und anderen verfügbaren Materialien.
- unkonventionelle Maltechniken mit Pinsel, Fingern, Zahnbürste, Kerze usw.

Eine wichtige Rolle bei der Entwicklung von Feinmotorik und Handfertigkeit wird den Fingerspielen zugeteilt. Sie sind einfach zu verstehen, zugänglich und werden von allen Kindern geliebt. Fingerspiele tragen zur Sprachentwicklung des Kindes bei, stärken die Gesundheit. Sie können sowohl in pädagogischen Aktivitäten als auch in Regime-Momenten und auf einem Spaziergang durchgeführt werden.

3. Spiele und Übungen zur Entwicklung der Feinmotorik der Hände. Das Spiel "Taktile Tasche"; Knöpfe anheben – mit zwei Fingern verschiedener Hände die Knöpfe aus der Schachtel auf den Tisch legen, wobei alle Paare gleichnamiger Finger beider Hände (abwechselnd) an dem Prozess teilnehmen müssen. Diese Aufgabe kann komplizierter werden, indem man verschiedene Finger beider Hände paarweise verwendet.

Durch die Entwicklung von Feinmotorik und Handkoordination bei Kindern im Vorschulalter durch verschiedene Aktivitäten können die Bedingungen für die Entwicklung der Feinmotorik der Finger von Kindern im Vorschulalter verbessert werden, um eine bessere Koordination und Genauigkeit der Hand-Augen-Bewegungen, Flexibilität der Hände, Rhythmus, Feinmotorik der Finger, Hände, Verbesserung der Vorstellungskraft, des logischen Denkens, der willkürlichen Aufmerksamkeit, der visuellen und auditiven Wahrnehmung und der kreativen Aktivität zu erreichen; um eine emotional-komfortable Umgebung im Umgang mit Gleichaltrigen und Erwachsenen zu schaffen.

Literaturliste:

1. Agapova I.K., Dawydowa M.A. Spiele mit Fingern für die Sprachentwicklung. M: LLC IKTC "Lada", 2011. 200 s.
2. Krupenchuk O.P. Wir bereiten die Hand auf den Brief vor. Wir zeichnen auf die Zellen.S.- P.: Liter, 2005. 64 s.
3. Lifitz E.A, Lifitz I.V. Entwicklung von Sprache, Bewegung und Feinmotorik. Komplexe Klassen. Ein praktisches Handbuch.M.: Iris – Presse, 2010.160 s.
4. Lubina GV Hand entwickelt das Gehirn // Das Kind im Kindergarten. 2003. № 1. 54-56 s.

WIR ERZIEHEN PATRIOTEN

Malzewa Tatjana Nikolajewna

Student des 4. Kurses

*der Belgorod State National Research University,
Russland, Belgorod*

Geistig-moralische patriotische Erziehung ist eines der aktuellen und komplexen Probleme, das heute von allen gelöst werden muss, die mit Kindern zu tun haben. Gegenwärtig dominieren materielle Werte die geistigen Werte, so dass Kinder Vorstellungen von Freundlichkeit, Barmherzigkeit, Großzügigkeit, Gerechtigkeit, Patriotismus und Liebe zu ihrer Heimat verzerren. Die Erziehung der jüngeren Generation im Rahmen des Respekts und der Liebe zur Heimat bildet jedoch eine moralisch gesunde, lebensfähige Generation. Kinder im Vorschulalter sind besonders emotional, bereit für Empathie. Sie haben einen Prozess der Bildung persönlicher Orientierungspunkte, daher wird empfohlen, die Erziehungsarbeit am fruchtbarsten durchzuführen.

Geistig-moralische und patriotische Erziehung ist ein langfristiger Prozess, der eine innere Veränderung jedes Teilnehmers voraussetzt. Ein Gefühl der Spiritualität bei Kindern zu vermitteln, ist ein komplexer, langwieriger Prozess, der Eltern und Pädagogen viel persönliche Überzeugung und Inspiration erfordert. Deshalb ist es heutzutage wichtig, ein funktionierendes System geistiger, moralischer und patriotischer Erziehung in einer Vorschule zu schaffen.

Ein Problem der modernen Bildung besteht darin, dass die historische Kontinuität der Generationen in der Erziehung nicht eingehalten wird. Viele Eltern wissen einfach nicht, dass es im Vorschulalter ist, soziale Normen, moralische Anforderungen und Verhaltensmuster zu erlernen. Auf dieser Grundlage müssen die Eltern erkennen, dass moralische und spirituelle Werte und Bräuche in erster Linie in der Familie erhalten und weitergegeben werden müssen.

Alles beginnt aus der Familie. Wenn Eltern ihre Wurzeln kennen, das Kind mit seiner Vergangenheit und seiner Gegenwart vertraut machen, wächst und entwickelt sich das Kind mit dem Wissen über seine Familie. Das Gefühl des Patriotismus beginnt mit der Beziehung zur Familie, zu den engsten Menschen – Mutter, Vater, Großmutter, Großvater – zu entstehen. Patriotismus für ein Kind ist die Wurzeln, die es mit seiner Heimat und seiner unmittelbaren Umgebung verbinden, die Liebe zu seinen Heimatorten, der Stolz auf sein Volk. In unserem DOU werden von den Pädagogen grundlegende Konzepte wie «Meine Familie», «Mein Zuhause», «Meine Familie», «Meine Freunde», «Meine Vorfahren» im Rahmen von Meetings und Unterrichtseinheiten erläutert. Es gibt eine Generationenverbindung, und das ist in Ordnung! Durch die Projektstätigkeit "Der Baum meiner Familie", die im DOW stattfindet, werden die Geheimnisse der Zweige des Stammbaums enthüllt. Die Kinder der älteren Gruppe haben die Möglichkeit, ihr Wissen über ihre Vorfahren auf der Linie von Vater und Mutter zu teilen, wie sie hieß und hieß, was sie ihr ganzes Leben lang getan haben, was sie für Generationen von Familien in Erinnerung behalten haben.

Wir möchten eine weitere interessante Tradition mit Ihnen teilen. " Am Tag der Familie der Liebe und Treue» treffen sich unsere Eltern zu abendlichen Zusammenkünften im Birkenhain des Kindergartens. Sie spielen, singen, behandeln und teilen Rezepte für Familiengerichte, tanzen, gestalten kollektive Arbeiten, blättern durch die Seiten von Familienalben. Ein halbes Papier speichert Bilder von Menschen, die Ihren Eltern das Leben gegeben haben und Ihnen das Leben gegeben haben. Diese warmen, sanften Aktivitäten bringen Kinder, Eltern und Pädagogen näher zusammen. Sie füllen ihre Herzen mit besonderem Ehrfurcht, mit besonderer Liebe, aus dem Bewusstsein, dass sie in der Nähe miteinander kommunizieren. Denn an normalen Tagen fehlen sie so. Und das ist ein sehr fruchtbarer Boden, um vertrauensvolle Partnerschaften aufzubauen. Besonders in unserer Zeit, in der Gadgets in Beziehungen zwischen Menschen eingeführt wurden. Und diese interessante Arbeit in Form von Kinder-Eltern-Treffen kann auf ein beliebiges Datum zeitlich abgestimmt werden

Es wäre ein Wunsch, aber es ist interessant, Zeit für alle zusammen zu verbringen, es wird immer da sein. Schließlich ist die Familie die primäre Umgebung, in der eine Person lernt, Gutes zu tun.

Die Achtung vor der Geschichte des Heimatlandes und seinen Traditionen, Grundlagen und die Liebe zum Heimatland, zu seiner historischen Vergangenheit ist derzeit relevant. Es ist besonders wichtig für die jüngere Generation, über die Taten ihrer Großväter und Vorfahren Bescheid zu wissen.

Ohne Respekt für die Geschichte ihres Vaterlandes kann man bei Kindern kein Selbstwertgefühl und Selbstvertrauen erziehen. Schon im Vorschulalter ist es sehr wichtig, bei Kindern eine erste Vorstellung von der Leistung unseres Volkes im Großen Vaterländischen Krieg zu bilden und den Stolz auf die Zugehörigkeit zu seinem Land – Russland – zu wecken.

Ein sehr unvergessliches Ereignis, hell und groß, das die Seele vor Stolz für ihr Land, für ihre Familie und für unsere Vorschule zu Tränen bringt, ist die Aktion «Das unsterbliche Regiment». In unserem DOW findet am Vorabend des Siegestages unter dem Motto «Wir erinnern uns, wir sind stolz» eine feierliche Veranstaltung zum Gedenken an die gefallenen Helden statt. Kinder in Form von Kriegsjahren mit einem St. George-Band auf der Brust gehen zu den Liedern der Kriegsjahre, und sie tragen eine Säule ihres Helden in ihren Händen. Das "unsterbliche Regiment" ist eine ewige Dankbarkeit für diejenigen, die unser Land vor dem Feind geschützt haben.

Unsere Region Belgorod ist berühmt für die größte Schlacht des Großen Vaterländischen Krieges – die Schlacht von Kursk. Wir sind Pädagogen und stellen sie zusammen mit ihren Eltern mit dieser Veranstaltung vor. Wir erzählen den Kindern, dass die sowjetische Armee einen historischen Sieg im «Feuerbogen» errungen hat. In unserem DOU finden patriotische Veranstaltungen zum Tag des Prokhorovsky-Feldes statt. Sie erziehen in ihren Kindern ein Gefühl des Stolzes für ihre Heimat und ihr Volk, ihr Land zu schützen. Leider haben wir jetzt diese Möglichkeit verloren, gemeinsame Ausflüge in die Museen der Stadt «Diorama der Schlacht von Kursk», zum «Cathedral Square» mit seinen Sehenswürdigkeiten und mit den Kindern der Gruppe zu machen, aber wir hoffen, dass sich bald alles ändern wird, während die Eltern mit ihren Kindern selbst Ausflüge zu den Orten des «Schlachtruhmes» auf dem «Glockenturm» in die Museen des «Dritten Schlachtfeldes Russlands» unternehmen, wo Kinder die gepanzerte Ausrüstung mit der Waffe des Großen Sieges kennen lernen. Die Aktion «Friedenstaube» wird in unserem Garten durchgeführt, wo Pädagogen mit Kindern weiße Papiertauben als Symbol für ein friedliches Leben herstellen. Viele Jahre zum Tag des großen Sieges wurden Treffen mit Veteranen des Großen Vaterländischen Krieges organisiert. Die Kinder bereiteten zusammen mit den Lehrern ein festliches Konzert mit Liedern, Tänzen und Gedichten vor. Und die Veteranen teilten mit den Kindern Kampfepisoden aus ihrem Leben. Die Köche unseres Gartens bereiteten den köstlichsten Soldatenbrei zu, der von den ankommenden Gästen und Bewohnern des Wohnbezirks behandelt wurde. Zusammen mit den Veteranen wurden Erinnerungsbäume gepflanzt, und wir hatten einen Walk of Fame im Garten. Jeder Baum hat ein Schild mit dem Namen, dem Namen, dem Vatersnamen, dem Veteranen, der diesen Baum gepflanzt hat. Und mit einer Schweigeminute ehren wir die Erinnerung an sie, indem wir den Erinnerungstaffel an neue Generationen weitergeben. Leider gehen jedes Jahr nacheinander Menschen von uns weg, denen wir unsere Freiheit und unser Leben verdanken. Aber mit denen, die geblieben sind, veranstalten wir Treffen zu Hause. Achten Sie darauf, mit Blumen, Konzerten zu kommen, und wir geben Geschenke, die wir mit unseren eigenen Händen gemacht haben. Es ist sehr schön, den Veteranen in die Augen zu schauen, die sich über Begegnungen mit Kindern freuen.

Wir helfen den Eltern, ihre Kinder durch die Aktivitäten, die wir mit ihnen durchführen, stark und freundlich, verantwortungsvoll und barmherzig zu erziehen. Wir helfen dem Kind zu verstehen, dass wir gewonnen haben, weil wir unsere Heimat lieben, unsere Helden ehren, die das Leben für das Glück der Menschen gegeben haben. Ihre Namen sind in den Namen von Straßen, Plätzen und Städten verewigt. Zu ihren Ehren wurden Denkmäler errichtet.

Die patriotische Erziehung der Vorschulkinder ist nicht nur die Erziehung der Liebe zur Mutter, Familie, Heimat, dem kulturellen Erbe ihres Volkes, ihrer Nation, sondern auch der Respekt vor dem Arbeiter und den Ergebnissen seiner Arbeit, der Stolz auf sein Volk, der die Volkskultur und die historische Vergangenheit des Landes, seine Heimat, die Verteidiger des Vaterlandes, die Staatssymbole, die Traditionen des Staates und die Volksfeste von Generation zu Generation über-

trägt. Es ist besonders wichtig für die jüngere Generation, über die Taten ihrer Großväter und Vorfahren Bescheid zu wissen.

Literaturliste:

1. Vinogradov, M.N. Coole Stunde "Erinnerung, Erinnerung rufe nach dir...» / S. 60-68. s. 68 (4 Titel.).
2. Golovanov, V.P. Zivil-moralische und patriotische Aspekte der zusätzlichen Bildung von Kindern im modernen Russland / V.P. Golovanov. Schulerziehung – 2019. S. 9-15.
3. Gorskaya, S.V. Das Thema des Großen Vaterländischen Krieges im Inhalt der außerschulischen Tätigkeit von Grundschulern .Grundschule. – 2020. – - S. 22-26
4. Vyazemsky, E.E. Thematische Lektionen nach dem Kalender von Bildungsereignissen: pädagogische Grundlagen der Vorbereitung und Durchführung / E.E. Vyazemsky, – S. 41-47.s. 46 (9 Titel.).
5. Kotowa, MV Organisation von kollektiven kreativen Aktivitäten mit patriotischer Ausrichtung mit jüngeren Schülern. – S. 321-326. -s. 326 (6 Titel.).

RUBRIK

«PHILOLOGIE»

**DIE BESONDERHEITEN DER GRAMMATISCHEN TEXTANALYSE
(AM BEISPIEL DES ROMANS „LEB WOHL, BERLIN“)**

Iana Lanskaia

*Studentin des 5. Studienjahres (Bachelor)
Staatliche Linguistische Universität Moskau,
Russland, Moskau*

Der zu analysierende Text ist dem Roman "Leb wohl, Berlin" (erschien im Jahre 1939) entnommen und stammt aus der Feder des berühmten englischen Schriftstellers Christopher Isherwood.

Die Intention des Textes

Dies ist der Auszug aus dem allerersten Kapitel des Romans, in dem sich die Leser erst mit dem Konzept des gesamten Werkes vertraut machen. Die Aufgabe des Autors besteht in diesem Fall darin, die Leser in die Handlung allmählich zu involvieren und ihnen einen Überblick über die zeitgeschichtlichen Hintergründe des Romans zu geben.

Die Handlung spielt sich in Berlin der frühen 1930er Jahre ab, kurz vor der Machtübernahme von Adolf Hitler. Der Roman ist in vielem autobiografisch und gibt atmosphärisch dicht die Lebenssituation unterschiedlicher Personen der zu Ende gehenden Weimarer Republik wieder. Kulturell war die Weimarer Republik geprägt durch den ersten Durchbruch der Massenkultur in Deutschland (Rundfunk, Kino, Unterhaltungsmusik usw.) sowie von avantgardistischen Strömungen in den Künsten, die zum Teil bereits in der Vorkriegszeit angelegt waren.

In dem zu analysierenden Roman hat der Autor den sogenannten Ich-Erzähler-Effekt eingesetzt. Der Ich-Erzähler schildert die Geschichte aus der Ich-Perspektive und gebraucht folglich die Ich-Form. Die Geschichte wird demnach aus der Sicht einer einzigen Figur erzählt, weshalb die Leser nur wahrnehmen können, was diese fühlt und sieht oder im Austausch mit anderen erfährt. Hiermit identifiziert sich der Ich-Erzähler metaphorisch mit einer Kamera, als könnten unsere Augen alles aufnehmen. Der Ich-Erzähler begleitet die Leser im wilden Tanz durch die 30er Jahre, wobei die Leser selbst zu den Augen des Ich-Erzählers werden.

Genau mit diesem Roman erwarb Christopher Isherwood Anerkennung. Die Geschichten, die in diesem Roman aufgesammelt sind, zählte das Magazin Time zu den besten 100 englischsprachigen Romanen, und sie wurden darüber hinaus zur Vorlage des Musicals "Cabaret", das im Jahre 1966 uraufgeführt worden war. Die Konzeption des Buches ist bei mir auf großes Interesse gestoßen, indem die meisten Protagonisten immer intensiver tanzen und feiern, als würde sie dies vom heraufziehenden Nationalsozialismus schützen. Sie leben in einer erlogenen Welt: Das wirkt utopisch und regt die Leser des Öfteren zum Nachdenken auf.

Die referenzielle Struktur des Textes

In dem zu analysierenden Text treten meist verschiedene Gegenstände und Personen als Träger der Referenz auf und bilden somit die Grundlage für die im Roman dargestellte Realität. Größtenteils werden diese Substantive mit dem bestimmten Artikel gebraucht, der ab und zu durch Possessiv- (*die Kinder => ihr Abendessen; junge Männer => ihre Mädchen; die Männer => ihre Signale*) sowie Demonstrativpronomen (*dieser Pfiff*) ersetzt wird. Als deren Begleiter treten hauptsächlich Adjektive (*ehrwürdige Straße; das elektrische Leuchtschild*) und Attributsätze auf (*Ich*

nehme den Mann auf, der sich gegenüber am Fenster rasiert, und die Frau im Kimono, die sich die Haare wäscht).

Als Hauptreferent dieses Textes betrachte ich jedoch den Ich-Erzähler. Seine Anwesenheit in dem Roman lässt sich vor allem durch Personal- (***Ich bin eine Kamera; es erinnert mich daran; mir selbst gilt***) und Possessivpronomen (***vor meinem Fenster***) bestätigen.

Zusammenfassend kann man feststellen, dass alle diese Referente die Prägungsmittel für anaphorische Verweisung (Rückverweisung) darstellen. Die Anaphorik richtet sich auf die Vorinformation (auf das Bekannte) im Text und wird in der schöngestigen Literatur in erster Linie zu den künstlerischen Zwecken benutzt. Der Autor berücksichtigt die Nichtinformiertheit der Leser und bringt sie mit einem Ruck in eine unbekannte Welt.

Seltener ist in diesem Text auch die kataphorische Verweisung (Vorausverweisung) zu treffen. Die Kataphorik richtet die Aufmerksamkeit der Leser auf neue Information und wird vom Gebrauch des unbestimmten (***dass ich in einer fremden Stadt bin; greife nach einem Buch***) und Nullartikels (***im Schatten überladener Fassaden; verdreckte Stuckfronten***) geprägt.

Gewöhnlich entwickelt sich die Textinformation vom Neuen (Rema) zum Bekannten (Thema). Sprachlich wird das durch den Wechsel von dem unbekanntem zu dem bekannten Artikel zum Ausdruck gebracht. In diesem Text ist es allerdings nicht der Fall: Man beobachtet die Verwendung von dem unbestimmten Artikel und vom Nullartikel in jedem einzelnen Absatz. Ein entscheidender Faktor dafür scheint zu sein, dass die Leser im jeweiligen Absatz des Textes etwas Neues erfahren und somit Schritt für Schritt in die Handlung einbezogen werden.

Die temporale Charakteristik des Textes

Jeder Text ist temporalbezogen. Der vorliegende Auszug ist monotemporal und wird von den Zeitformen der besprochenen Welt geprägt. Das Leittempus ist Präsens:

1) ***Ich bin eine Kamera mit offenem Verschluss, ganz passiv, ich nehme auf, ich denke nicht.***

2) ***Manchmal beschließe ich, nicht hinzuhören, greife nach einem Buch, versuche zu lesen.***

In manchen Sätzen ist auch die Passivform des Präsens zu treffen:

1) ***Über der Nachtglocke des kleinen Hotels an der Ecke, ..., wird das elektrische Leuchtschild eingeschaltet.***

2) ***... wo die Betten bereits für die Nacht gerichtet sind.***

Nach der Auffassung von Harald Weinrich signalisiert die besprochene Welt, dass den Lesern eine gespannte Rezeptionshaltung naheliegt. Von den Lesern wird oft eine verbale bzw. nonverbale Reaktion erwartet. In der schöngestigen Literatur vermindert das Präsens die Distanz zwischen dem Autor und den Lesern und zieht sie wiederum stärker in die Handlung hinein.

In folgendem Beleg aus dem Roman verleiht das Präsens dem Text die Vorausperspektive, die eine Bezugnahme auf zukünftige Ereignisse enthält. Darauf weist außerdem das Temporaladverb "eines Tages" hin:

• ***Eines Tages muss das alles entwickelt werden, sorgfältig abgezogen, fixiert.***

Des Weiteren lässt sich die Temporalität eines Textes durch unterschiedliche Wortarten ausdrücken. In dem zu analysierenden Auszug sind folgende zeitbezogene Adverbien, Substantive und Präpositionen zu finden:

1) ***Kellergeschäfte, in denen den ganzen Tag das Licht brennt ...***

2) ***Um acht Uhr abends werden die Haustüren zugesperrt.***

3) ***... wo man die Zimmer stundenweise mieten kann ...***

4) ***Bald beginnt das Pfeifen.***

5) ***Manchmal beschließe ich, nicht hinzuhören ...***

6) ***... wo die Betten bereits für die Nacht gerichtet sind ...***

7) ***... dass ich schließlich doch aufstehen und einen Blick durch die Lamellen der Jalousie werfen muss ...***

Alle diese Beispiele tragen einen allgemeinen Charakter. Das heißt, dass sie keinem bestimmten Mikrofeld (das Mikrofeld der Gegenwart, das Mikrofeld der Vergangenheit, das Mikrofeld der

Zukunft) zugeordnet und somit auf allen drei Mikrofeldern des Temporalfeldes gleichhäufig zu finden sind. Die Präpositionalgruppe mit "um" sowie das Temporaladverb "abends" deuten an die Zeit der Handlung hin, wobei die Temporaladverbien "abends" und "manchmal" ebenfalls die Häufigkeit dieser oder jener Handlung hervorheben. Das Temporalsubstantiv "Tag" in Kombination mit dem Adjektiv "ganz" weist in diesem Sinne auf die Dauer der Handlung.

Die lokale Charakteristik des Textes

Des Weiteren sind alle Texte lokalsituiert. In dem zu analysierenden Text ist es allerdings schwierig zu bestimmen, ob dieser mono- oder doch polylokal ist. Der Ich-Erzähler beschreibt eine Straße, wobei er selbst alles aus dem Fenster seines Zimmers beobachtet. Einerseits spielt sich die Handlung an ein und demselben Ort ab, also auf einer Straße in Berlin, andererseits werden vom Ich-Erzähler mehrere kleinere Orte (*Kellergeschäfte; kleines Hotel an der Ecke; Läden usw.*) innerhalb dieser einen Straße erwähnt. Ausgehend davon lässt sich auch der Raum der vorliegenden Handlung auf unterschiedliche Weise interpretieren: Zum einen geht es um einen offenen Raum (*die dunkle, ehrwürdige, gewaltige Straße*), zum anderen – um einen verschlossenen Raum (*Vor meinem Fenster; einen Blick durch die Lamellen der Jalousie werfen*). An dieser Stelle würde ich den Text trotz aller umstrittenen Fakten als polylokal bezeichnen.

In dem zu analysierenden Auszug handelt es von der dynamischen Raumreferenz. Die Aufmerksamkeit der Leser wird rasch von einem Objekt zu einem anderen gelenkt:

- *Um acht Uhr abends werden die Haustüren zugesperrt. Die Kinder bekommen ihr Abendessen. Die Läden schließen.*

Neben den Substantiven treten darüber hinaus vielfältige präpositionale Gruppen (*im Schatten; gegenüber am Fenster; fern der Heimat*), Verben (*aufstehen und einen Blick durch die Lamellen der Jalousie werfen*), Adverbien (*Sie stehen unten in der Kälte; hinauf zu den erleuchteten Fenstern; der Straße hinunter; hier*) sowie Lokalsätze (*Kellergeschäfte, in denen...; Über der Nachtglocke des kleinen Hotels an der Ecke, wo...; (der warmen) Zimmer, wo...*) als Prägungsmittel für die Lokalbezogenheit des Textes auf.

Die modale Charakteristik des Textes

Im Folgenden komme ich zur Kategorie des Modus. Diese grammatische Kategorie drückt das Verhältnis zwischen dem von dem Verb bezeichneten Vorgang und der Realität vom Standpunkt des Sprechenden aus. Traditionell unterscheidet man drei Modi: Indikativ, Konjunktiv und Imperativ. Der zu analysierende Auszug aus dem Roman ist lediglich im Indikativ verfasst und lässt sich daher als monomodal bezeichnen.

Unter anderem ist die Kategorie des Modus sehr eng mit der Kategorie der Modalität verbunden. Als eine der grammatischen Kategorien wird die Modalität weit aufgefasst – darunter versteht man hauptsächlich in sprachlicher Form ausgedrücktes Verhältnis des Sprechers zur Aussage. Der vorliegende Text ist von allen drei Arten der Modalität geprägt: Die objektive Modalität bezeichnet das Verhältnis der Aussage zur Wirklichkeit, indem der Indikativ das Geschehen im Roman als real darstellt:

- *Manchmal beschließe ich, nicht hinzuhören, greife nach einem Buch, versuche zu lesen.*

Die subjektive Modalität zeigt das Verhältnis des Ich-Erzählers zum Inhalt dieser oder jener Aussage (oder Handlung) und wird im Text durch folgende Modalwörter ausgedrückt:

- *... und ich weiß sehr wohl, dass das unmöglich ist ...*

Die logisch-grammatische Modalität drückt die Beziehungen zwischen dem Subjekt des Satzes und der im Infinitiv ausgedrückten Handlung aus. Hierfür sind im Text folgende Modalverben in ihrer primären Bedeutung zu finden:

- *Eines Tages muss das alles entwickelt werden, sorgfältig abgezogen, fixiert.*

- *Die Männer möchten eingelassen werden.*

Olga Iwanowna Moskalskaja unterscheidet in den Texten der schöngeistigen Literatur den modalen Schlüssel des Autors sowie den modalen Schlüssel der literarischen Figuren.

Der modale Schlüssel des Autors lässt sich mit oben angeführten Sätzen belegen und entspricht der Modalität der Realität (der Text ist ganz und gar im Indikativ verfasst). Außerdem ist die Autorensprache teilweise subjektiv gefärbt: Der Autor (der Ich-Erzähler) nimmt verschiedene Haltungen ein, die durch die Mittel (Modalwörter) der subjektiven Modalität ausgedrückt werden.

Der modale Schlüssel der literarischen Figuren, der meist in Dialogen und Monologen der Protagonisten vorkommt und durch zwei andere Modi (Imperativ und Konjunktiv) ausgedrückt wird, ist in dem zu analysierenden Auszug nicht zu treffen.

Die personale Charakteristik des Textes

Die personale Charakteristik des zu analysierenden Textes beruht auf der Kategorie der Person. Da dieser Text in Form eines Tagesbuches verfasst ist, ist der auf die 1. Person bezogen und daher monopersonal. Der Ich-Erzähler fungiert als Hauptfigur und existiert in derselben Welt wie die anderen Gestalten des Romans.

Auf die Ich-Form des Textes weisen in erster Linie das Personalpronomen "ich" (*ich bin eine Kamera*), das auch ab und zu im Akkusativ (*es erinnert mich daran*) und im Dativ (*mir selbst gilt*) zu finden ist, sowie das Possessivpronomen "mein", das im allerersten Satz des vorliegenden Auszugs im Dativ (*vor meinem Fenster*) steht. Diese Hinweisungen dienen außerdem zur Strategie der direkten Identifikation, in der der Autor des jeweiligen Romans sich selbst präsentiert.

Ludmila Alexandrowna Nozdrina unterscheidet drei Merkmale, die für die Ich-Erzählung gekennzeichnet sind:

1) **Glaubwürdigkeit** – Der Autor bzw. der Ich-Erzähler berichtet nur darüber, was er mit eigenen Augen gesehen und selbst erlebt hat.

2) **Subjektivität** – Die in dem Roman beschreibenden Ereignisse können vom Ich-Erzähler subjektiv eingeschätzt werden (in seinen Monologen kann er etwas bezweifeln oder hingegen mit Sicherheit behaupten)

3) **Unvollständigkeit** – Die in dem Roman dargestellte Welt ist durch die Wahrnehmung des Ich-Erzählers begrenzt.

Manche Personen, die im Text nebenbei auftauchen, werden ebenfalls durch Personal- (*junge Männer => sie stehen*) und Possessivpronomen (*junge Männer => ihre Mädchen*) ersetzt.

Die anderen Ausdrucksmittel wie Eigennamen und Berufsbezeichnungen (explizite Hinweisung) oder Frage- und Vergleichsätze (implizite Hinweisung) tauchen in dem zu analysierenden Auszug nicht auf.

Der pragmatische Aspekt des Textes

Schlussendlich möchte ich meinen Eindruck von diesem Auszug äußern. Der Schreibstil des Autors hat mich von der ersten Zeile an fasziniert: Dank der Form der Ich-Erzählung habe ich mich als wesentlicher Bestandteil der Handlung gefühlt, als wäre ich selbst fast 100 Jahre zurück gegangen und hätte nun eine dunkle, gewaltige Straße voller Unsicherheit und Geheimnisse aus meinem Fenster beobachtet.

Der Autor hat in die Geschichte Deutschlands einen neuen Schwung gebracht, denn die Geschichte an sich ist ein kompliziertes und relativ langweiliges Fach, und sie aus seiner eigenen Perspektive erzählt. Das Sujet sowie die ganze Stimmung der im Text auftauchenden Figuren – von Bohème bis zu ausgelassenen Auswanderern – lässt sich von meinem Standpunkt aus mit der Moskauer Gesellschaft in den Zeiten der Neuen Ökonomischen Politik (NEP) vergleichen, wobei die meisten vergebens ihre gewohnte Lebensweise zu bewahren versuchten und eventuell so taten, als hätten sie die äußerlichen Änderungen gar nicht bemerkt.

Die detaillierte Beschreibung des nächtlichen Lebens Berlins macht der Text dynamisch und lebendig, deswegen kann ich nur feststellen, dass der Autor des Romans seine Idee bzw. seine Absicht in vollen Zügen umgesetzt hat.

Literaturliste:

1. Богатырева Н.А., Ноздрин Л.А. Стилистика современного немецкого языка = Stilistik Der Deutschen Gegenwartssprache : учебное пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвист. вузов и фак. – Москва : Academia, 2005 (ГУП Саратов. полигр. комб.). – 330 с.
2. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
3. Наер Н.М. Стилистика немецкого языка : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 (050303) – иностр. яз. – Москва : Высш. шк., 2006 (Смоленск : Смоленская обл. тип. им. В.И. Смирнова). – 271 с
4. Натанзон М.Д. Относительное употребление времен в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1948.
5. Ноздрин Л.А. Поэтика грамматических категорий : курс лекций по интерпретации худож. текста : учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвист. вузов и фак. – М. : Тезаурус, 2004 (Люберцы (Моск. обл.) : ПИК ВИНТИ).
6. Admoni, W, G. Der Sprachbau der deutschen Sprache. Moskau, 1986.
7. Glinz, H. Die innere Form des Deutschen. H. Weber. Das Tempussystem des Deutschen und des Französischen. Bern 1954.
8. Moskalskaja, O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskau, 2004.
9. Schendels, E.I. Deutsche Grammatik. Moskau, 1979.
10. Charitonowa I.J. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache: Syntax. Kiew, 1976

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 13 (236)
Апрель 2023 г.

Часть 3

В авторской редакции

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 66232 от 01.07.2016

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74

E-mail: studjournal@nauchforum.ru

16+

